

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎

осень — зима

2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *каاتبов*»): секреты мастерства средневековых *каاتبов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПᲚᲠᲟᲚ (ЕвИуд) 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исаака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннесян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович	IN MEMORIAM	
А.А. Ковалев	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013		
© Институт восточных рукописей РАН, 2013		

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

WRITTEN MONUMENTS OF THE ORIENT

2₍₁₉₎

autumn – winter
2013

Founded in 2004
Issued biannually

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

- Hilyat al-kuttab (A Talisman for Katibs): Secrets of Medieval Katib's Practical Skills* (Introduction, Translation from Persian into Russian and Commentary by *B.V. Norik*) 5
- The “Divan” of Cefayî, the Kurdish Poet of the 19th–20th Centuries (Transcription, Examples, Ghazals by *Z.A. Yusupova*) 18
- Ritual Funeral Text from the Tangut Collection of the IOM, RAS (Introduction and Translation from the Tangut Language by *K.M. Bogdanov*) 44

RESEARCH WORKS

- A.L. Khosroyev*. Once More on the $\overline{\text{N}}\overline{\text{Z}}\overline{\text{P}}\overline{\text{O}}\overline{\text{T}}$ (*Gospel of Judas* 33. 18–21) 56
- R.V. Kim*. Logia in the Synoptic Gospels. Defining the Problem
Alexander B. Kudelin. The “Collective Isnad” as the Composition Factor in *The Life of the Prophet* by Ibn Ishâq — Ibn Hishâm 75
- M.M. Yunusov*. From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. (I) Palmyra Texts in Rome in the 16th Century: The Cardinals-Patrons of the Arts and Scholars-Antiquarians 100
- M.Ye. Kravtsova*. On the Semantics of the Title of Liu Xie's Wenxindiaolong Treatise 126
- I.S. Gurevich*. “The Sutra of the Sixth Patriarch”: Resources of the Grammatical Stylistics 137
- S.L. Neveleva*. The Old Indian Epic *Mahābhārata*: The Specifics of Its Contents 148

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Ashirbek Muminov*. Manuscripts of “Kata'ib A'lam al-Akhyar”: New Materials for the Biography and Activity of Mahmud ibn Sulayman al-Kafawi 159

“Nauka”
“Vostochnaya Literatura”
2013

<i>F.O. Nofal.</i> The Problem of “Confessional” Qur’anic Textology: Between “the Word” and “the Method of Recitation”	177
<i>M.S. Pelevin.</i> Toponyms and Localization of Action in an Afghan Tribal Chronicle (the 17th–18th Centuries)	182
<i>I.N. Medvedskaya.</i> A Spearman from Sialk: Rectangular Shields in the Ancient Near East	192
<i>Zhang Huiming.</i> Une interprétation de la peinture du Wutaishantu de la grotte 61 d’après le manuscrit «Éloge du Wutaishan»	203

COLLECTIONS AND ARCHIVES

<i>S.M. Iakerson.</i> The Hebrew Medieval Book in the Shape of a Scroll: On the Problem of Its Scholarly Study	233
<i>Hartmut Walravens.</i> Wilhelm Grube’s Acquisition of Japanese Texts (1897–1898)	240
<i>Peng Xian-qian, Yu.S. Mylnikova.</i> The Tangut Studies in China in the Beginning of the 21 st Century	257

ACADEMIC LIFE

<i>M.M. Yunusov.</i> The Conference in Memory of O.D. Berlev	266
<i>I.F. Popova.</i> “Sergey Fedorovich Oldenburg: Scholar and Academic Research Organizer”. International Conference Devoted to the 150 th Anniversary of Academician S.F. Oldenburg	271
<i>I.V. Bazilenko.</i> International Conference “Middle East in the Second World War” Devoted to the 70 th Anniversary of the Tehran Conference (28.11.1943–01.12.1943)	276
<i>D.A. Nosov.</i> The International Congress “Folklore of the Mongolian Peoples: Historical Reality”	279
<i>M.A. Redina.</i> The Conference in Honor of the 85 th Anniversary of Prof. M.A. Dandamaev, Correspondent Member of the RAS	282
<i>A.V. Zorin, A.A. Sizova.</i> The 2 nd St. Petersburg Tibetological Readings	284
<i>A.I. Kolesnikov, O.A. Vodneva, Z.A. Yusupova.</i> The International Conference “Readings in Memory of V.F. Minorsky (1877–1966): History and Historiography of the Near and Middle East”	287
<i>I.V. Kulganek.</i> The 13 th International Practical-Research Conference “The Roerich Heritage”	292
<i>I.V. Bazilenko.</i> The Scientific Conference “The 400 th Anniversary of the Romanov House”	295
<i>K.G. Marandjan.</i> The International Conference “Asia and Japanese Identity”	300
<i>T.V. Ermakova, E.P. Ostrovskaya.</i> The 7 th All-Russian Oriental Conference in Memory of O.O. Rozenberg	303
<i>S.L. Burmistrov.</i> The 30 th Conference on Comparative Philosophy “Comparative History of Philosophy as Scientific Knowledge and Artistic Work”	306

REVIEWS

Science and Buddhism: Proceedings of the International Scientific Conference (Ulan-Ude–Baikal, July 6–8, 2012). Ed. by B.V. Bazarov. Ulan-Ude, Buryat University, 2012. — 304 pp. (<i>I.V. Kulganek</i>)	310
Mongolica-X. Collected Papers. Ed. by I.V. Kulganek, L.G. Skorodumova, N.S. Yakhontova. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013. 144 pp. (<i>M.P. Petrova</i>)	313
<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. 342 pp. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg. vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>I.V. Gerasimov, O.B. Frolova</i>)	315
<i>A.I. Kolesnikov.</i> Sasanian Iran: History and Culture. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012 — 520 pp. (<i>Yu.A. Ioannesyán</i>)	319

IN MEMORIAM

Aleksandr Stepanovich Martynov (02.10.1933–15.12.2013) (<i>I.F. Popova</i>)	322
---	-----

М.М. Юнусов

**Чтения, посвященные памяти
Олега Дмитриевича Берлева**

(Санкт-Петербург, 27–29 мая 2013 г.)

В 2013 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Олега Дмитриевича Берлева (1933–2000), выдающегося отечественного египтолога, блестящего знатока самых разных сторон жизни Древнего Египта, издателя многочисленных древнеегипетских памятников, хранящихся в музеях страны. О.Д. Берлев всю жизнь проработал в нашем Институте (ныне — Институт восточных рукописей РАН), где 27–29 мая прошли чтения, посвященные памяти ученого, организованные Отделом Древнего Востока. В чтениях помимо сотрудников отдела принимали участие научные работники, преподаватели и аспиранты СПбГУ, Государственного Эрмитажа, ИВ РАН, ГАУГН (Москва).

В ходе трех заседаний были прочитаны и обсуждены 12 докладов различной тематики, затрагивающих широкий спектр проблем изучения истории Древнего Ближнего Востока: от египетско-переднеазиатских связей в начале II тысячелетия до н.э. до основных этапов становления научной школы ассириологии в Петрограде–Ленинграде в постреволюционные годы.

В начале первого заседания, которое открыла зав. Отделом Древнего Востока, д.и.н. И.Н. Медведская, с.н.с. отдела, к.и.н. И.В. Богданов рассказал о жизненном пути и научном наследии ученого.

Московский исследователь, н.с. ИВ РАН А.А. Ильин-Томич представил доклад «Формула обращения к живым в эпоху Среднего царства и царь Санхибра». Одна из первых печатных работ О.Д. Берлева — статья «Один из способов датировки стел Среднего царства» (1962) — остается наиболее детальным исследованием формулы «О, живые, сущие на земле» в эпоху Среднего царства. Выводы О.Д. Берлева могут помочь датировать неопубликованную притолоку из Гелиополя, содержащую имя царя Санхибра. Этот памятник обсуждается в работах Д. Франке, У.К. Симпсона, К. Рихолта и А.Е. Демидчика (лишь Д. Франке мог лично изучить надпись), но формула обращения к живым не изучалась. Автор доклада видел надпись в музее под открытым небом в Матарие. Ряд признаков, представленных докладчиком, позволил ему отнести притолоку к поздней XI — ранней XII династии.

Египетская тема этого же периода была отражена в докладе ст. преп. СПбГУ Н.В. Макеевой «Об особенностях текста стелы Сенусерта III из Дейр эль-Бахри». Одна из стел египетского царя XII династии Сенусерта III происходит из поминального храма его предшественника царя Ментухотепа (XI династия) в Дейр эль-Бахри. В то время как основной текст памятника посвящен возобновлению культа предшественника, изображения стелы, а также две строки среднего регистра визуально отсылают к оформлению комплекса, в котором стела была установлена. Анализ этой части стелы и сравнение с подобными надписями в фиванских храмах Ментухотепа, Сенусерта I и Хатшепсут показывают, что фразеология стелы уникальна. Это может

объясняться либо ошибкой мастера, либо переосмыслением старых фразеологических шаблонов.

Следующий доклад — «Египетско-угаритские взаимоотношения после Рамзеса II», сделанный с.н.с. Отдела Древнего Востока ИВ РАН (Москва), к.и.н. Сафроновым А.В., освещал события внешнеполитических связей Египта уже в период Нового царства. В докладе автор рассматривал главным образом датировку письма RS 88.2158 из Угарита. Текст является ответом фараона, чье имя не сохранилось, на не дошедшее до нас письмо угаритского правителя и содержит цитаты оттуда. Среди прочего в строках 12–13 угаритским царем упоминается имя фараона Мернептаха. На основании этого текст обычно датируется временем правления этого египетского правителя (1224–1214 гг. до н.э.). Однако автор указывает, что упоминание вассальным правителем личного имени фараона в основном тексте письма уникально для международной переписки между египетскими царями и их сиро-палестинскими вассалами. Этот факт позволяет выдвинуть гипотезу, что речь в письме RS 88.2158 идет об уже умершем правителе. Соответственно, текст должен быть отнесен ко времени после смерти Мернептаха и датироваться годами правления его сына и преемника Сети II. Полученный вывод дает важную информацию по египетско-угаритским отношениям конца XIII в. до н.э., поскольку в тексте RS 88.2158 фактически говорится о признании Угаритом власти Сети II. Этот факт удивителен, поскольку с середины XIV в. до н.э. Угарит являлся вассалом хеттских царей. Автор рассмотрел историю Хеттского царства последних десятилетий его существования и предположил, что «переориентация» Угарита на Египет могла произойти только во время правления сына Тудхалии IV, Арнуванды III, конец которого был ознаменован гражданской войной и узурпацией хеттского престола Суппилулиумой II.

Интересный историко-географический материал представлен аспирантом ГАУГН (Москва) В.Ю. Шелестиным в докладе «Движение среднехеттского фронта и вопросы землевладения». Период хеттской истории между правлениями Телепину и Тудхалии I/II весьма скудно запечатлен в исторических источниках, правители этого времени не оставили летописей о своих деяниях, а новохеттская традиция воспоминаний об этом времени могла быть искажена. В связи с этим большое значение для внешнеполитической истории среднехеттского периода приобретают синхронные ему документы — межгосударственные договоры и жалованные грамоты на землю. В силу фрагментарности первых не обсуждающие внешнеполитических вопросов жалованные грамоты оказываются более релевантными для определения динамики территориальных изменений Хеттского царства. Поздняя традиция сообщает об общем характере территориальных потерь Среднехеттского царства, среди которых особо выделяются северо-восточные, связанные с приходом касков, но именно данные жалованных грамот позволяют наиболее детально воссоздать динамику исчезновения северо-восточных городов с карты Хеттского царства. Смещение границы упоминаемых в документах территорий в сторону Хаттусы может иметь два объяснения — утрату этих территорий в результате внешнеполитических поражений или изменение характера собственности на жалуемые прежде земли. В последнем случае данные жалованных грамот не отражают динамики территориальных изменений Хеттского царства. Выбор между альтернативами осложняется уникальностью среднехеттского корпуса жалованных грамот — подобные документы не создавались в лучше известные нам с внешнеполитической точки зрения периоды хеттской истории. В докладе были представлены данные о характере земельной собственности в Хеттском царстве с учетом вновь опубликованных документов и приведены аргументы в пользу внешнеполитического объяснения отраженных в среднехеттских грамотах изменений.

Археологический аспект изучения культуры Древнего Востока был в центре внимания сообщения зав. Отделом Древнего Востока ИВР РАН, д.и.н. И.Н. Медведской «Щитоносец из Сиалка». В докладе были представлены данные, позволяющие уточнить датировку одного из самых известных археологических памятников доахеменидского Ирана — могильника Сиалк В. С этим памятником связано решение вопросов хронологии, происхождения и культурных связей памятников Ирана начала I тысячелетия до н.э. Сопоставление изображений прямоугольных плетеных щитов на ассирийских рельефах времени Саргона II, в греческой вазописи позднегеометрического стиля и на расписном сосуде из Сиалка В подтверждает предложенную автором датировку расписной керамики из Сиалка В второй половиной VIII в. до н.э.

Следующее заседание открыл доклад с.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН, к.и.н. И.В. Богданова «Казнь элькабского князя». Доклад был посвящен сложному месту из автобиографии египетского полководца Сабни времен правления Неферкара (VI династия). В докладе показано, что некий элькабский князь Ини был осужден в ходе дворцового заседания и казнен. Сабни отвез его тело на родину и похоронил в его гробнице. В сильно поврежденной части надписи употребляются редкие термины: «разжалование» и «плаха». В качестве комментария приведены параллели из других египетских текстов разных времен, посвященных казни через обезглавливание. Соответствующая терминология подробно проанализирована.

Выступление н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН, к.и.н. М.М. Юнусова «Древнейшие данные о западно-сирийской Уллазе» касалось анализа топонима, который ряд исследователей связывает с одним городом, известным из амарнской переписки середины XIV в. до н.э. Древнейшее упоминание топонима U-la-sum встречается в анналах аккадского правителя Нарам-Сина XXIII в. до н.э. как крайней западной точки границ завоевательных походов царя. Схожий по звучанию топоним встречается далее в надписи на стенах мастабы египетского чиновника Хнумхотепа III, жившего при фараоне Сенусерте III. Этот текст показывает, что Уллаза был крупным городом-партнером Египта в поставках ценных пород дерева из Сирии на берега Нила и одновременно соперником Библа. Третье упоминание Уллазы, уже в «текстах проклятий», также относится к этой эпохе и подтверждает его статус крупного и влиятельного в регионе населенного пункта. Анализируя эти данные, докладчик высказал предположение, что в анналах Нарам-Сина имелось в виду в целом западносирийское и северо-ливанское побережье Средиземного моря, которое называлось в последней трети III тысячелетия до н.э. «Уллазой». Позднее, во второй половине II тысячелетия до н.э., это название сохранил лишь город Уллаза амарнского периода.

Сообщение г.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН, чл.-кор. РАН М.А. Дандамаева «Египтяне в Вавилонии в VI–V вв. до н.э.» было зачитано И.Н. Медведской. Вавилонские административные и хозяйственные тексты из Борсиппы, Ниппура, Урука, Ура и некоторых других городов Вавилонии VI–V вв. до н.э. позволяют выделить три группы египтян, которые по различным причинам жили там. Часто они обозначаются своим этническим названием «мицрайя», но в ряде случаев свидетельства об их этническом происхождении можно найти в их собственных именах, которые являются теофорными и содержат имена египетских богов Амона, Исиды и др. Часть этих людей принадлежала к свободному слою общества и владела землей и домами. В течение определенного времени египтяне сохраняли свою этническую идентичность и даже имели свои органы самоуправления (народное собрание), но были постепенно ассимилированы местным населением.

Заключительный день работы чтений открыл в.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН, д.и.н. В.А. Якобсон сообщением «К проблеме культурных связей между Егип-

том и Месопотамией». Доклад был посвящен возможным и, как считает автор, реальным культурным связям между Древней Месопотамией и Древним Египтом задолго до того, как это отражено в известных нам исторических памятниках. Докладчик привел ряд примеров из древнеегипетских и древнемесопотамских текстов, которые должны рассматриваться не как случайные совпадения, а как выражение общего понимания целого ряда процессов и проблем, присущих древнему обществу. Они показывают, что скорее всего образованные люди Древнего Египта и Месопотамии знали и понимали языки друг друга, а также осознавали сходство проблем, с которыми им приходилось иметь дело.

В докладе м.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН Н.О. Чехович были представлены данные о сделанной археологами США в Телль эн-Нацбе (Израиль) находке: вотивной плоской дужке (фрагмент кольца?) с именем малоизвестного царя II династии Приморья (Южное Двуречье) Айядара (ок. середины XV в. до н.э.). Начало поселения датируется значительно более поздним временем (ок. 1200 г. до н.э.), поэтому налицо импорт антикварной вещи. Время импорта уточнить сложно, но по датировке сопутствующих вещей из цистерны для хранения воды можно предположить время правления Навуходоносора II (605–562 гг. до н.э.). «Страна Приморья» — провинция Вавилонского царства со своим наместником — была в то время важным центром торговли на берегу Персидского залива. Это отражалось в хозяйственных документах, в частности из южномесопотамского города Урука. Дужка могла быть частью предмета культа, привезенного в Иудею вместе с культовым изображением, которое не сохранилось. Предложено чтение надписи. Документы времени царя Айядара опубликованы Стефани Далли (Лондон) в 2009 г.

С.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН, к.и.н. Г.Х. Каплан представила доклад «А.П. Рифтин. Послужной список (1919–1945)». А.П. Рифтин работал научным сотрудником в Институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ и в Яфетическом институте АН. Его научная деятельность развивалась по трем направлениям: 1) издание шумерских и аккадских клинописных текстов, 2) лингвистические проблемы отдельных языков, 3) вопросы общего языкознания. А.П. Рифтин читал курс общего языкознания в университете, в Ленинградском институте восточных языков, в Институте иностранных языков, в педагогических институтах им. Герцена и им. Покровского. Преподавал русский язык в Коммунистическом институте журналистики. Принимал участие в работе по повышению квалификации преподавателей русского и иностранных языков Ленинграда и Ленинградской области. В 1933 г. А.П. Рифтин организовал кафедру семито-хамитской филологии в Ленинградском институте истории, философии, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ), входившем в состав ЛГУ. Заведя кафедрой семито-хамитской филологии, А.П. Рифтин создал первое в России ассириологическое отделение. В 1939–1942 гг. А.П. Рифтин был деканом филологического факультета. Во время войны и блокады Ленинграда он руководил местной противовоздушной обороной (МПВО) факультета, организовал эвакуацию филологического факультета в Саратов. В 1944 г. А.П. Рифтин сыграл большую роль в формировании Восточного факультета ЛГУ.

В заключение заседания м.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН, к.и.н. С.И. Марахонова представила доклад «Выдающийся японовед С.Г. Елисеев», в котором были рассмотрены документы, обнаруженные автором в архивах Франции, США и Японии и связанные с жизнью и деятельностью С.Г. Елисеева. В ряде случаев эти документы позволили по-новому взглянуть на творческий путь крупного ученого-востоковеда. Так французские документы опровергли представление о легком и быстром вхождении С.Г. Елисеева в научную среду Франции в 1920-е годы. Удалось

также исправить известную датировку: С.Г. Елисеев был удостоен ордена Почетного легиона в 1949, а не, как было принято считать, в 1946 г. Целый пласт документов из архива Гарвардского университета и Института Гарвард-Яньцзинь повествует о формировании дальневосточных исследований в США и деятельности С.Г. Елисеева по организации высшего образования в Азии. В японских архивных документах говорится о русских студентах в Токио в начале XX столетия и возможности открытия в это же время японской кафедры в Гарварде.

В ходе чтений коллеги О.Д. Берлева поделились с присутствующими воспоминаниями о жизни выдающегося ученого, отмечая его высокую трудоспособность, удивительную скромность и неизменную готовность оказывать помощь словом и делом друзьям и коллегам. Безусловно, научное наследие О.Д. Берлева еще предстоит изучать не одному поколению египтологов и представителям смежных областей, а его деятельность будет долго являться образцом плодотворного служения науке и обществу.

И.Ф. Попова

**«Сергей Федорович Ольденбург —
ученый и организатор науки».**

Международная конференция,
посвященная 150-летию со дня рождения
академика С.Ф. Ольденбурга

26–27 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная конференция «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки», посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга (1863–1934). Конференция была организована Российской академией наук (Постановление Президиума РАН № 25 от 29 января 2013 г.) совместно с Российским историческим обществом.

Академик Сергей Федорович Ольденбург был одной из центральных фигур в истории РАН первой трети XX в. На протяжении четверти века, с 1904 по 1929 г., он являлся неперменным секретарем Академии. Во многом благодаря его усилиям Академия наук сохранила себя как ведущая научная организация страны. Кроме ответственной и напряженной деятельности на посту неперменного секретаря С.Ф. Ольденбург руководил и принимал непосредственное участие в работе многих академических комитетов и комиссий. В 1916–1934 гг. он был бессменным директором Азиатского Музея, реорганизованного в 1930 г. во многом благодаря его усилиям в Институт востоковедения АН. Состоял председателем Этнографического отделения Русского географического общества и секретарем Восточного отделения Русского археологического общества. С 25 июля по 31 августа 1917 г. находился в должности министра народного просвещения Временного правительства.

Научные труды С.Ф. Ольденбурга имели многообразный и новаторский характер и были посвящены проблемам индологии, истории буддийской культуры, иранистики, текстологии, источниковедения, фольклористики, археологии. Он внес неоценимый вклад в координацию исследовательских усилий международного востоковедного сообщества. В 1897 г. для публикации вновь открытых в Восточном Туркестане памятников письменности им была основана международная научно-издательская серия «Bibliotheca Buddhica». В 1899 г. по его инициативе были созданы Международный, а также Русский комитеты для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении. Возглавляемые С.Ф. Ольденбургом Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 гг. в Турфан и 1914–1915 гг. в Дуньхуан сыграли важную роль в процессе изучения культурного наследия Северо-Западного Китая. Вторая Русская Туркестанская экспедиция доставила в Санкт-Петербург в 1915 г. часть уникальной библиотеки храма Могаоку и предметы буддийского искусства. С.Ф. Ольденбург активно содействовал пополнению рукописных фондов Азиатского Музея, исследованию памятников древних письменностей, а также изучению буддийской культуры в России. Летом 1919 г. по его инициативе была организована «Первая буддийская выставка» в Русском музее в Петрограде.

Заслуги С.Ф. Ольденбурга получили международное признание: он был избран членом-корреспондентом Прусской академии наук, Геттингенской академии наук, почетным членом Королевского Азиатского общества Великобритании, Парижского Азиатского общества, почетным доктором Эбердинского университета.

Задачей юбилейной конференции было всесторонне представить значение деятельности С.Ф. Ольденбурга для отечественной и мировой науки. К открытию конференции были приурочены две выставки: первая проходила с 25 по 29 сентября 2013 г. в Государственном Эрмитаже и включала в себя экспонаты из собрания Музея — личные вещи, фотографии, архивные документы, рукописи, публикации ученого. Другая, основанная на фотоматериалах и документах из фондов СПбФ Архива РАН и Института восточных рукописей РАН, была развернута в здании Санкт-Петербургского научного центра РАН в день открытия конференции.

26 сентября 2013 г. на торжественном расширенном заседании Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН с пленарным докладом «С.Ф. Ольденбург и новый этап истории Российской академии наук» выступил вице-президент РАН, академик Ж.И. Алферов, который отметил актуальность фигуры академика Ольденбурга для настоящего момента и зачитал приветствие председателя Государственной думы Федерального собрания РФ, председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина в адрес участников конференции. Осветив основные этапы истории РАН начиная с блестящего петровского периода, Ж.И. Алферов подчеркнул, что наибольших результатов отечественная наука добивалась именно тогда, когда была востребована государством. С.Ф. Ольденбургу довелось руководить Академией в сложный переломный период, ему пришлось пойти на многие жертвы, но благодаря своему государственному уму он сумел сохранить ее.

Данная тема нашла развитие в докладе «С.Ф. Ольденбург и „золотой век“ Российской академии наук» советника РАН, академика В.С. Мясникова, который отметил, что крупные научные достижения РАН рубежа XIX–XX вв. стали возможны благодаря плодотворному взаимодействию основных сил Академии с ее тогдашним президентом вел. кн. Константином Константиновичем, возглавлявшим Академию в 1889–1915 гг. По его инициативе был организован ряд экспедиций в Центральную Азию, в отделении исторических наук и филологии РАН была сформирована специальная комиссия для разработки археологических коллекций Восточного Туркестана, многие выдающиеся востоковеды были избраны в члены-корреспонденты и действительные члены РАН.

О большом вкладе С.Ф. Ольденбурга в сохранение музейных фондов страны рассказал директор Государственного Эрмитажа, чл.-кор. РАН М.Б. Пиотровский. Будучи в последние годы своей жизни сотрудником Эрмитажа, С.Ф. Ольденбург ратовал за сохранение его коллекций и выступал с решительными возражениями против развернувшейся в конце 1920-х годов продажи за границу музейных ценностей. Академик Ольденбург стал и одним из крупнейших фондообразователей Эрмитажа, куда были переданы доставленные им из Восточного Туркестана предметы искусства.

В.н.с. СПб Института истории РАН, д.и.н. Б.С. Каганович в докладе «С.Ф. Ольденбург — неперемный секретарь Российской академии наук» раскрыл ключевую роль С.Ф. Ольденбурга в превращении небольшого «старинного» учреждения, которым была РАН в начале XX в., в центр широкой сети современных научно-исследовательских институтов, рассказал о его инициативах, направленных на сохранение и дальнейшее развитие структуры Академии до и после Октябрьской революции 1917 г. Суть стратегии С.Ф. Ольденбурга как руководителя Академии наук после 1917 г. докладчик определил как «лояльность к советской власти и участие в ряде ее экономиче-

ских и культурных программ с одновременным сохранением автономии и внутренней независимости Академии». При этом было отмечено, что эта стратегия более или менее успешно «работала» около десяти лет. «На рубеже 1920–1930-х годов политика С.Ф. Ольденбурга и его концепция Академии потерпели крах, неизбежный при том характере государства, который окончательно сложился к этому времени в СССР».

Объединяющая роль С.Ф. Ольденбурга для российского востоковедения в сложный период его истории была раскрыта в докладе директора ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Поповой «С.Ф. Ольденбург в Азиатском Музее — Институте востоковедения РАН». Директорство Ольденбурга, главным образом в 1917–1925 гг., было порой особого расцвета Музея, когда он превратился в востоковедный центр широкого профиля и стал центром всего научного востоковедения в Петрограде–Ленинграде и в стране. С.Ф. Ольденбург всей своей деятельностью содействовал тому, чтобы во вновь организованном на основе Азиатского Музея Институте востоковедения наряду с актуальными задачами изучения современной Азии сохранялось и классическое направление, основанное на изучении и введении в научный оборот памятников письменности Востока.

В докладах гл.н.с. СПбФ Института истории естествознания и техники РАН, д.и.н. В.С. Соболева «Научно-организационная деятельность академика С.Ф. Ольденбурга в первые годы Советской власти (1918–1928)» и н.с. СПбФ Архива РАН О.А. Кириковой «Человек дела — С.Ф. Ольденбург. По материалам архивных фондов СПбФ АРАН» были представлены интересные факты и документы, отразившие разные ипостаси деятельности С.Ф. Ольденбурга как ученого, администратора, государственного и общественного деятеля. В обоих докладах было отмечено, что смысл организационной деятельности С.Ф. Ольденбурга всегда придавал свойственный ему особый оптимизм, основанный на убеждении, что ничто и никогда не может остановить науку или заставить ее повернуть вспять.

В докладе директора СПбФ Архива РАН, д.и.н. И.В. Тункиной «Документы по изучению С.Ф. Ольденбургом Восточного Туркестана в Архиве РАН» С.Ф. Ольденбург был представлен как вдохновитель изучения региона, во многом направлявший собирательские усилия российских дипломатов, в первую очередь российского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского. Заведующая сектором Южной Азии ИВР РАН, д.филос.н. Е.П. Островская в докладе «С.Ф. Ольденбург как представитель санкт-петербургской школы буддологии» дала оценку этапу развития отечественной буддологии, связанного с именем С.Ф. Ольденбурга. В конце 1890-х годов С.Ф. Ольденбург выступил инициатором нового научного направления, выдвинув на передний план задачу исследования культурно-исторического процесса продвижения буддизма из Индии в Центральную Азию и на Дальний Восток. Это тематически многогранное направление стало приоритетным в трудах ученых отечественной буддологической школы первой трети XX в. — академика Ф.И. Щербатского (1866–1942) и его учеников, работавших в непосредственном контакте с С.Ф. Ольденбургом.

Отдельное заседание было посвящено международной деятельности С.Ф. Ольденбурга. Большую роль С.Ф. Ольденбург сыграл в восстановлении международных контактов Российской академии наук в послереволюционные годы. Его деятельность на посту председателя Ученого комитета Монголии (1925–1929) и ее значение были представлены в докладах в.н.с. СПбФ Института истории естествознания и техники РАН, к.и.н. Т.И. Юсуповой и директора Института истории Монголии МАН, профессора С. Чулууна. Инициативы С.Ф. Ольденбурга по восстановлению связей с Акаде-

мией наук Финляндии были освещены в докладе сотрудника Национальной библиотеки Финляндии Юсси-Пекка Хаккарайнена.

В мировом научном сообществе С.Ф. Ольденбург пользовался известностью в первую очередь как индолог, специалист по индийскому фольклору, исследователь Центральной Азии, организатор международных научных проектов, а не как один из руководителей РАН. В этом отношении довольно распространенным является свидетельство академика В.М. Алексеева: «В нем не было ни тени генеральства, и его ближайший друг иностранец, узнав от меня, что он по чину и положению (дело было в 1912 г.) генерал, от удивления громко вскрикнул»¹. Важной стороной международной деятельности С.Ф. Ольденбурга всегда было изучение археологии Восточного Туркестана, введение в научный оборот памятников письменности, относящихся к изучению истории буддизма в регионе, а также дававших ключ к дешифровке мертвых языков. Основой успешного решения этой задачи С.Ф. Ольденбург считал координацию усилий мирового сообщества. Многолетним связям С.Ф. Ольденбурга с учеными Великобритании, в первую очередь с выдающимся исследователем Центральной Азии А. Стейном, был посвящен доклад руководителя Международного дуньхуанского проекта (International Dunhuang Project, Британская библиотека) Сьюзан Витфельд. Обзор 30-летнего сотрудничества С.Ф. Ольденбурга с Полем Пеллио был дан в докладе заведующей Отделом рукописей Национальной библиотеки Франции Натали Моне. Симона-Кристиана Рашманн, н.с. Центра турфанских исследований Берлин-Бранденбургской академии естественных и гуманитарных наук, в своем докладе осветила основные этапы и роль сотрудничества С.Ф. Ольденбурга с немецкими учеными и исследователями Центральной Азии начала XX в.

Заседания второго дня конференции проходили в Институте восточных рукописей РАН и были объединены темой непреходящего значения для мировой науки находок возглавлявшихся С.Ф. Ольденбургом и другими российскими исследователями экспедиций. Результаты исследований Первой и в особенности Второй Русских Туркестанских экспедиций (РТЭ) сразу же привлекли внимание исследователей Японии, о чем в докладе “The study of S.F. Oldenburg’s Dunhuang legacy in Japan” («Изучение в Японии дуньхуанской коллекции С.Ф. Ольденбурга») рассказал профессор Университета Киото Таката Токио.

После опубликования факсимиле материалов Второй РТЭ в Китае² хранящиеся в ИВР РАН дуньхуанские материалы стали объектом активного исследования китайских ученых. Профессор Китайского народного университета (Пекин) Мэн Сянь-ши на основании китайских документов из российской коллекции проанализировал некоторые особенности общественной жизни Хотана. Его коллега по университету профессор Ли Сяо предложил уточненную периодизацию истории распространения буддизма в Турфане. Профессор Пекинского педагогического университета Лю И обратил внимание на содержание фрагментов даосского содержания из дуньхуанской коллекции ИВР РАН. Директор Института древних рукописей Пекинского университета, профессор Жун Синь-цзян ознакомил участников конференции с новейшими находками памятников рукописной культуры в Синьцзяне.

О значении находок С.Ф. Ольденбурга для буддологии и изучения письменного наследия Центральной Азии в разных аспектах говорилось в докладах гл.н.с. ИВР РАН, д.и.н. М.И. Воробьевой-Десятковской «С.Ф. Ольденбург как исследователь

¹ Алексеев В.М. С.Ф. Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов // Записки ИВ РАН СССР. Т. 4. М.–Л., 1935. С. 57.

² Э цан Дуньхуан вэньсянь 俄藏敦煌文献 (Дуньхуанские рукописи, хранящиеся в России). Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1994–2000. Т. 1–17.

древней культуры Центральной Азии», н.с. Центра турфанских исследований Берлин-Бранденбургской академии естественных и гуманитарных наук, профессора Петера Циме “S. F. Oldenburg and the *Devatāparipīcchā*” («С.Ф. Ольденбург и *Дэватапарипричча*»), с.н.с. ИВР РАН, к.и.н. С.Х. Шомахмадова «С.Ф. Ольденбург и изучение Сериндийского фонда в Азиатском Музее».

Ряд докладов, сделанных представителями научных и хранительских центров России и зарубежных стран, отразил современное состояние исследований коллекций искусства, доставленных Первой и Второй Русскими Туркестанскими экспедициями С.Ф. Ольденбурга. В докладах сотрудников Государственного Эрмитажа д.иск. К.Ф. Самосюк, М.Л. Меньшиковой, к.и.н. Ю.И. Елихиной, а также н.с. Исследовательского центра по изучению восточноазиатских цивилизаций (Париж) Чжан Хуэймин были представлены малоизученные объекты из центральноазиатских коллекций Государственного Эрмитажа. Обобщающий доклад «С.Ф. Ольденбург как историк и исследователь буддийского искусства» об исследовании центральноазиатских археологических находок самим С.Ф. Ольденбургом был сделан с.н.с. ИВР РАН, к.и.н. Т.В. Ермаковой.

Всего на конференции было зачитано 36 докладов участниками из России, Китая, Японии, Монголии, Великобритании, Франции, Германии и Финляндии.

И.В. Базиленко

**Международная конференция
«Средний Восток в годы Второй мировой войны.
К 70-летию Тегеранской конференции
(28.11.1943 — 01.12.1943)»**

(Санкт-Петербург, 2 октября 2013 г.)

В ноябре 2013 г. исполнилось 70 лет со дня одного из крупнейших дипломатических событий Второй мировой войны — конференции глав держав антигитлеровской коалиции в г. Тегеране, которая стала важным этапом в развитии международных и межсоюзнических отношений этого периода, способствовала приближению окончания боевых действий и заключению долгожданного мира.

2 октября 2013 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялась Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)», организованная по Программе СПбНЦ РАН. В состав Оргкомитета вошли: директор ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Попова (председатель), в.н.с., д.и.н. И.В. Базиленко, в.н.с., д.и.н. А.И. Колесников, ученый секретарь ИВР РАН, к.и.н. О.А. Воднева. На конференции выступили 17 докладчиков — сотрудники ИВР РАН, СПбГУ, Института языка и литературы им. Алишера Навои АН Республики Узбекистан, Государственного Эрмитажа, издательства «Светоч», доклады сопровождалась демонстрацией фото-, аудио- и видеоматериалов.

Большой интерес вызвало выступление на пленарном заседании директора Института восточных рукописей РАН, д.и.н. И.Ф. Поповой «Ленинградское востоковедение в годы Второй мировой войны», посвященное малоизвестным страницам истории отечественного востоковедения, светлой памяти коллег, которые в тяжелейших условиях блокады Ленинграда продолжали трудиться в осажденном городе и ценой невероятных усилий достойно совершенствовали и развивали лучшие научные традиции русского востоковедения. Многие из них не дожили до дня великой Победы, но остались в благодарной памяти потомков, навеки вписав золотыми буквами свои имена в историю отечественной науки. В ходе доклада были продемонстрированы уникальные фотоматериалы по истории ленинградского востоковедения блокадной поры.

В докладе с.н.с. ИВР РАН, к.и.н. А.В. Витола «К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 г.)» был затронут самый широкий спектр актуально значимых вопросов, обсуждавшихся лидерами великих держав в Тегеране: от перспектив вступления в войну на стороне союзников Турции до сроков открытия второго фронта в Европе. В сообщении также значительное внимание было уделено внутривосточной обстановке в Иране, попыткам спецслужб фашистской Германии при помощи местной агентуры организовать покушение на глав государств антигитлеровской коалиции в период проведения конференции.

Научное сообщение доцента факультета социологии СПбГУ, к.п.н. А.Е. Кутейникова, озаглавленное «Обсуждение идеи универсальной международной организации

на Тегеранской конференции и ЮНППА (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций, United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA)», раскрыло слушателям детальные подробности происходившей на встрече глав великих держав в Тегеране дискуссии относительно необходимости создания международной организации по поддержанию мира во всем мире. Докладчик убедительно доказал особую важность вышеупомянутого обсуждения и отметил тот факт, что договоренности, достигнутые на конференции в Тегеране, стали основополагающими в дальнейшем многотрудном процессе создания и формирования структур Организации Объединенных Наций.

Доцент, к.ф.н., докторант Института языка и литературы имени Алишера Навои Академии наук Республики Узбекистан Г.И. Халлиева в своем докладе «Изучение творчества Алишера Навои в годы Второй мировой войны» рассказала о выдающемся вкладе, который внесли российские востоковеды в исследование поэтического наследия великого Низам ад-Дина Мир Алишера Навои (1441–1501). Выразив благодарность таким исследователям творчества Навои, как М. Никитский, И. Березин, А. Самойлович, а также их коллегам советского периода (Е.Э. Бертельс, А.К. Боровков, А.Н. Кононов), докладчик отметила важность и необходимость дальнейшего плотворного сотрудничества отечественного и узбекского литературоведения на современном этапе.

Сообщение члена Союза писателей России, генерального директора ООО «Издательство Светоч» А.П. Андрюшкина «Мухаммад-Реза Байрами и его романная трилогия об Азербайджанской республике 1945–1946 гг.» было сфокусировано на освещении в произведениях современного иранского прозаика Мухаммад-Резы Байрами политических событий в Иранском Азербайджане и Курдистане по окончании Второй мировой войны. Докладчик обратил внимание слушателей на характерное изображение иранским автором связи подъема леводемократического и национально-патриотического движения с присутствием советских войск в регионе, а также на художественно богатое описание последовавшего спада движения и репрессий властей в отношении левых сил после ухода войск РККА из Северного Ирана.

В докладе сотрудника Государственного Эрмитажа В.М. Дзевановского «Письма А.Н. Болдырева 1943–1945 гг. И.Ю. Крачковскому (из архива академика И.Ю. Крачковского)» основное внимание было уделено вводу в научный обиход истории отечественного востоковедения 7 писем и 10 открыток известного ираниста профессора А.Н. Болдырева из блокадного Ленинграда арабисту академику И.Ю. Крачковскому, который был эвакуирован в Москву в июле 1942 г. Вышеуказанная корреспонденция, хранящаяся в СПбФ АРАН в фонде И.Ю. Крачковского (Ф. 1026), существенно дополняет историю ленинградского востоковедения времен Великой Отечественной войны.

В.н.с., д.и.н., проф. И.В. Базиленко посвятил свое сообщение «История получения немецкой разведкой информации о решениях Тегеранской конференции 1943 г.» малоизвестным фактам деятельности одного из самых знаменитых агентов фашистской Германии албанца Эльяса Базны (1904–1970) по кличке «Цицерон», который служил камердинером у английского посла в Турции Х.М. Нэтчбулл-Хьюджессена (1886–1971). В представленном сообщении, в частности, были проанализированы причины, по которым полученные ценнейшие секретные данные об оперативных планах противника не были использованы немецкими политиками и военачальниками, и последствия, выразившиеся в успешном осуществлении союзниками операции «Оверлорд» по открытию второго фронта в Европе в июне 1944 г.

О непростой военно-политической ситуации, сложившейся в Афганистане в рассматриваемый период, в своем докладе «Афганистан в контексте советско-герман-

ского противостояния в годы Второй мировой войны» увлекательно рассказала ученый секретарь ИВР РАН, к.и.н. О.А. Воднева. Доклад сопровождался комментированным показом уникальных документов из фонда В.Ф. Минорского (Ф. 134) Архива востоковедов ИВР РАН.

Особую значимость проведенной научной конференции придает тот факт, что она стала первой международной конференцией за последние десятилетия в стенах Института восточных рукописей РАН, посвященной исследованиям, связанным с памятным событием истории Ирана XX в. Диапазон, научную новизну и актуальность прочитанных докладов можно с уверенностью оценить в качестве соответствующих современному уровню отечественной иранистики; конференцию решено признать удачной и выполнившей свои задачи. Доклады участников международной конференции (очных и заочных) подготовлены к печати и сданы в издательство.

Д.А. Носов

**Международный конгресс
«Фольклор монгольских народов:
историческая действительность»**

Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.

Организаторами конгресса выступили Правительство Республики Калмыкия, Калмыцкий государственный университет, Российский гуманитарный научный фонд, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Конгресс был посвящен памяти выдающегося ученого-фольклориста, доктора филологических наук, профессора Калмыцкого государственного университета Николая Цеденовича Биткеева (1943–2013).

Форум собрал исследователей из различных регионов Российской Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Саратова, Республики Алтай, Башкирии, Бурятии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Северной Осетии, Якутии. Представительные делегации прибыли из Монголии и Китайской Народной Республики.

Церемония открытия и пленарное заседание прошли в Большом зале Дома правительства Республики Калмыкия. С приветственным словом к участникам обратился Президент Республики Калмыкия А.М. Орлов. Открыл конгресс Председатель Оргкомитета, ректор Калмыцкого государственного университета, к.п.н. Б.К. Салаев.

Первым на пленарном заседании «Фольклорная традиция монгольских народов: состояние и перспективы» выступил к.ф.н., с.н.с. Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН В.Э. Раднаев, рассказавший об основных вехах жизни и научного творчества Н.Ц. Биткеева. Следом за ним д.ф.н., профессор П.Ц. Биткеев зачитал подготовленный Н.Ц. Биткеевым к данному конгрессу доклад «Историзм эпоса „Джангар“», суммирующий все предположения, высказанные исследователями относительно датировки эпического памятника. Академик Л. Болд, директор Института языка и литературы АН Монголии, выступил с сообщением о ходе исследования монгольского фольклора в самой Монголии. Профессор Университета Внутренней Монголии (КНР) Тая рассказал об изданиях эпоса «Джангар», опубликованных в Китае в начале XXI в. Профессор, д.ф.н., зав. Отделом фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького В.Л. Кляус осветил русско-бурятско-тунгусские параллели образа Большого Змея в преданиях и рассказах Прибайкалья. Б.С. Дугаров, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, выступил с докладом о генезисе образа героя в бурят-монгольской Гэсэриаде и его развитии в рамках эпической традиции. Особенности трансформации исполнительской традиции якутского героического эпоса «Олонхо» в современных условиях осветил д.ф.н., профессор кафедры фольклора и культуры Института языка и культуры народов Севера РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова В.В. Илларионов. О специфике тюрко-монгольских архаических мотивов в карачаево-

балкарском фольклоре рассказал д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН Х.Х. Малкондуев. С докладом о многообразии и единстве в фольклоре народов Северного Кавказа выступил гл.н.с. Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, д.ф.н., профессор А.М. Аджиев. Завершил пленарное заседание д.и.н., в.н.с. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН А.К. Салмин докладом о фольклорных источниках по истории народов Восточной Европы.

Далее работа конгресса продолжилась в рамках четырех секций.

Первая, названная «Фольклор монгольских народов: историческая действительность», включала девять докладов, большая часть которых была посвящена исторической основе различных жанров фольклора монгольских народов. Профессор Калмыцкого государственного университета, д.и.н. В.И. Колесник рассказал об общественном строе ойратов, описанном в эпосе «Джангар». Также в рамках данной секции были сделаны два доклада о рукописных памятниках героического эпоса монгольских народов. Ученый секретарь Института языка и литературы АН Монголии, к.и.н. Б. Тувшинтогс представил обзор списков эпоса «Гэсэр» на ойратском «ясном» письме, хранящихся в различных рукописных собраниях мира. Доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, к.ф.н. Б.М. Нармаев и его ученица А.М. Бурцева представили доклад, посвященный тибетской рукописи о царе Гесаре, хранящейся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Наиболее представительной стала вторая секция — «Фольклор монгольских народов: жанровый состав и поэтика. Проблемы контаминации фольклора разных народов», в рамках которой прозвучало 26 докладов. Они были посвящены различным вопросам: общей методологии исследования фольклора монгольских народов, проблемам взаимодействия фольклора и художественной литературы, проблемам компаративистики и особенностям современного бытования различных жанров устного народного творчества. Т.Г. Басангова (в.н.с. Отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, д.ф.н.) совместно с А.А. Бурыкиным (в.н.с. Института лингвистических исследований РАН, д.ф.н., д.и.н.) рассказали о проблемах изучения эпоса монгольских народов в трудах выдающегося отечественного фольклориста Е.М. Мелетинского. Доклад доктора Чойралжав из Университета Внутренней Монголии (КНР) был посвящен взаимосвязи эпоса «Джангар» с иллюстрациями и комиксами, выполненными современными художниками по мотивам поэмы.

Третья секция — «Фольклор и мифология. Фольклор и обряд. Фольклор и религия» включала десять докладов, посвященных сравнительным исследованиям в области фольклора, этнографии и религиоведения. Например, в докладе зав. сектором фольклора Института языка и литературы АН Монголии, д.ф.н., проф. Б. Катуу была предложена классификация свадебного обрядового фольклора ойратов. Выступление зав. Отделом фольклористики и литературоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, д.ф.н. Л.С. Дампиловой раскрывало элементы шаманской мифологии в бурятском эпическом тексте.

В четвертой секции — «Лингвофольклористика: язык фольклора» было прочитано 17 докладов, посвященных исследованиям на стыке фольклористики и языкознания. Зав. сектором Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, д.ф.н. И.В. Кульганек рассказала об особенностях функционирования метафоры в монгольских пословицах. Профессор Сеульского университета, доктор Вонсу Ю поделился опытом перевода эпоса «Джангар» на корейский язык.

Помимо заседаний, в рамках четырех секций состоялся круглый стол «Эпос „Джангар“: возраст памятника», на котором выступили А.А. Бурькин, к.и.н. И.И. Дремов и директор факультета монгольской филологии Университета Внутренней Монголии профессор Мокзая. Также профессор В.Л. Кляус прочитал публичную лекцию «Фольклористика и информационные технологии». На ней ученый поделился опытом составления электронной базы данных текстов одного из жанров русского фольклора.

Участники конференции предложили проводить подобный международный научный форум регулярно, раз в три года. Также, отметив вклад профессора Н.Ц. Биткеева в фольклористику, было решено учредить регулярные чтения, посвященные Николаю Цеденовичу Биткееву. Ученые поддержали инициативу Калмыцкого государственного университета о создании 10-томного свода фольклора монгольских народов.

М.А. Редина

**Конференция, посвященная 85-летию
чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева**
(Санкт-Петербург, 4 октября 2013 г.)

4 октября 2013 г. состоялась конференция Отдела Древнего Востока ИВР РАН, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева. Коллеги и ученики Мухаммада Абдулкадыровича подготовили ряд докладов к его юбилею.

2 сентября 2013 г. Мухаммад Абдулкадырович отметил 85-й день рождения. За время своей почти 60-летней научной работы он добился выдающихся результатов. Он автор около 400 трудов, в числе которых монографии как на русском, так и других языках мира, множество статей и рецензий. Среди его работ в первую очередь следует назвать «Рабство в Вавилонии в VII–IV вв. до н.э.» (М., 1974) и расширенный вариант этого классического труда, выпущенный в 1984 г. в английском переводе. Несколько изданий за рубежом выдержали труды М.А. Дандамаева по иранистике: «Культура и экономика Древнего Ирана» (совместно с В.Г. Лукониным; М., 1980), «Политическая история Ахеменидской державы» (М., 1985). Фундаментальные работы М.А. Дандамаева по исследованию политической истории и хозяйственной жизни Древнего Ирана и Месопотамии I тысячелетия до н.э. остаются актуальными по сей день, так как основаны на изучении и анализе десятков тысяч подлинных документов, написанных на аккадском, древнеперсидском, эламском, арамейском языках, а также древнегреческом и латыни.

Заседание конференции проходило в кабинете Отдела Древнего Востока ИВР РАН. Представленные на нем доклады были посвящены различным аспектам истории Древней Месопотамии на протяжении почти всех ее периодов, а также истории Древнего Египта.

Открыла конференцию зав. Отделом Востока Государственного Эрмитажа Н.В. Козлова докладом «О прогульщиках в эпоху III династии Ура». Он был посвящен шумерским документам из города Уммы, которые касались учета рабочего времени работников UN-ga₆. На примере этих текстов докладчик рассказала о том, как была устроена система отчетности по трудовням и как учитывались дни, пропущенные работниками по болезни. Доклад вызвал оживленную дискуссию среди участников конференции.

Сообщение соискателя уч. степени к.и.н. ИВР РАН (науч. рук. М.А. Дандамаев) М.А. Рединой «Некоторые тексты с печатями из архива *šandabakku* касситского Ниппура» касалось документов касситской эпохи Месопотамии (1531–1155 гг. до н.э.) из одного из ниппурского архива. Этот архив, как можно предполагать по данным археологических раскопок и содержанию его текстов, принадлежал *шандабакку* — главному должностному лицу города Ниппура, главному администратору и управляющему делами храма Энлиля и, по всей видимости, второму по влиятельности лицу (после царя) в Вавилонии. Многие документы из архива имеют оттиски печатей, принадлежавших людям, занимавшим пост *шандабакку* на протяжении XIV–XIII вв.

до н.э. Среди них встречаются случаи употребления одной и той же печати разными *шандабакку* (нередко являющимися ближайшими родственниками). Содержание документов с оттисками печатей очень разнообразно и варьирует от хозяйственно-административной тематики до юридической.

Д.и.н., в.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН И.Н. Медведская рассказала об иконографии одного сосуда в докладе «Еще раз о щитоносце из Сиалка». В нем рассмотрено изображение воина в шлеме, с копьем и щитом в руках на расписном сосуде из могильника Сиалк В (Иран), которое никогда не исследовалось ранее в связи со спорной датировкой этого памятника. Специфика изображений плетеных прямоугольных щитов на каменных рельефах и в росписи позволила автору сопоставить изображение щитоносца с рельефами ассирийского царя Саргона II (721–705) и расписной керамикой позднегеометрического стиля Греции (760–700), что определило его датировку 2-й половиной VIII в. до н.э. Геополитическая ситуация в VIII в. объясняет вероятность появления хеттского типа шлема с гребнем у щитоносца из Сиалка именно во 2-й половине VIII в. до н.э.

М.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН, ученица М.А. Дандамаева Н.О. Чехович выступила с докладом «Новые данные об администрации Вавилонии в VI в. до н.э.», который был посвящен анализу данных о должности *šakin māti* «наместник страны» в Вавилонии времени от 14-го года правления Набопаласара (612/611 гг. до н.э.) до 2-го года Камбиза (528/527 гг. до н.э.). Этим годом датируется находящийся в коллекции Гос. Эрмитажа документ из Урука, дополняющий известные материалы. Попытка установить идентичность должностей *šakin māti* и *šakin māt tāmti* «наместник страны Приморья» (см.: Kleber K. Tempel und Palast. Münster, 2008. S. 311–326) представляется недостаточно обоснованной: должность «наместника страны» по документам связана в основном с военными делами, что не предполагает обособления Приморья — крайней южной области Вавилонии; само имя первого известного «наместника страны» — Лале-Эсангила-лушби — явно связано со столицей, Вавилоном.

К.и.н., с.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН И.В. Богданов закрывал конференцию докладом «Происхождение титула „вице-король“ в Древнем Египте». В его сообщении был предпринят анализ некоторых терминов и фразеологизмов из надписи узурпатора Сегерсенти, фактически контролировавшего один из регионов Верхней Нубии при слабых царях VII–VIII династий. Особое внимание было уделено титулам «сын Солнца» и «сын правителя», которыми Сегерсенти называет себя, а также эпитету «облаченный обязанностями(?) Солнца», который он применяет по отношению к своему номинальному сюзерену, царю Египта Уаджжару. В докладе подробно исследована эволюция с древнейших времен титула «сын правителя», которая завершилась несколько столетий спустя при гиксосском владычестве. С этого времени титул «сын царя» стал применяться по отношению к царским наместникам, в частности в Куше, в значении «вице-король».

Все представленные на конференции доклады вызвали живой интерес и активную дискуссию среди коллег — специалистов по истории и языкам Древнего Египта и Месопотамии.

А.В. Зорин, А.А. Сизова

Вторые петербургские тибетологические чтения

(Санкт-Петербург, 8, 10 октября 2013 г.)

8 и 10 октября 2013 г. в ИВР РАН прошли Вторые петербургские тибетологические чтения. Как и в предыдущем году, организаторами чтений выступили директор ИВР РАН, проф., д.и.н. И.Ф. Попова (председатель), с.н.с. ИВР РАН, к.ф.н. А.В. Зорин и ст. лаб. ИВР РАН А.А. Сизова (секретарь). Основной задачей чтений является объединение ученых из разных учреждений науки, образования и культуры Санкт-Петербурга, а также других городов Российской Федерации, занимающихся широким кругом вопросов, связанных с изучением Тибета, его истории, литературы, религии, особое внимание уделяется письменному наследию Тибета.

На Вторых чтениях с докладами выступили 12 ученых из Санкт-Петербурга (8 представляли ИВР РАН, 2 — СПбГУ, 1 — Гос. Эрмитаж, 1 — независимый исследователь) и 1 гость из Москвы. Кроме того, деятельное участие в работе чтений приняли представители Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй» во главе с его настоятелем Б.Б. Бадмаевым.

Открыли работу чтений директор ИВР РАН, проф., д.и.н. И.Ф. Попова и настоятель буддийского храма Б.Б. Бадмаев, которые приветствовали участников мероприятия в Зеленом зале ИВР РАН. В завершение своего выступления Б.Б. Бадмаев вручил И.Ф. Поповой более 60 оригинальных тканых оболочек для хранения тибетских книг.

Затем И.Ф. Попова открыла пленарное заседание, посвященное 150-летию выдающегося российского востоковеда и организатора науки, многолетнего директора Азиатского Музея и Института востоковедения АН СССР Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934). К.филос.н. Т.В. Ермакова (ИВР РАН) в своем выступлении рассмотрела две публикации С.Ф. Ольденбурга, посвященные истории развития буддийского искусства в Непале, отметила новаторский характер статей в отношении научной периодизации исследуемого материала, коснулась темы научных контактов С.Ф. Ольденбурга с зарубежными коллегами-востоковедами. К.ф.н. А.В. Зорин (ИВР РАН) представил результаты своего текстологического и археографического исследования различных изданий сборника канонических, апокрифических и постканонических буддийских текстов «Сунгдуй», связанного с именем Таранатхи; уникальный набор его изданий, имеющийся в ИВР РАН, позволил выделить две основные линии развития памятника и детально рассмотреть их с XVII по XX в. (доклад представлял собой уточненную и расширенную версию сообщения, прозвучавшего в июле 2013 г. на семинаре Международной ассоциации тибетологов в Улан-Баторе). По окончании пленарного заседания участники осмотрели выставку «Издания сборника „Сунгдуй“ на тибетском и монгольском языках», организованную А.В. Зориным и А.А. Сизовой; на ней были представлены 12 изданий памятника на тибетском языке и шесть — на монгольском.

В первый день работы чтений состоялось еще два заседания. Первое из них было посвящено архивам и коллекциям (председатель — проф., д.и.н. В.Л. Успенский). Выступление к.и.н. С.Х. Шомахмадова (ИВР РАН) представляло собой презентацию новонайденного в Сериндийском фонде ИВР РАН ксилографа письмом *сиддхам*, содержащего текст одной из буддийских *дхарани*, — 1 небольшой лист с текстом на одной стороне; докладчик кратко охарактеризовал сам Сериндийский фонд, особенности письма *сиддхам* и его репрезентации в данном памятнике; внимание присутствовавших привлекли также два китайских иероглифа, напечатанных в центре листа (очевидно, до того, как на него был нанесен текст *дхарани*, и вне прямой связи с ним) и являющихся переводом санскритского термина *дхармадхату*. К.ф.н. С.С. Сабрукова (ИВР РАН) представила перечень тибетологических материалов, имеющихся в фонде А.М. Позднеева из Архива востоковедов ИВР РАН, среди них — материалы по системе традиционного буддийского образования, некоторые документы политико-правового характера, переводы медицинских текстов и т.д.

Следующее заседание касалось вопросов культуры и философии Тибета, провел его к.ф.н. А.В. Зорин. Первой выступила к.и.н. Ю.И. Елихина (Гос. Эрмитаж), которая рассказала об иконографии бодхисаттвы Манджушри в буддийском искусстве Индии, Китая, Тибета, Монголии, Японии, Кореи; доклад был основан на уникальном собрании фотоматериалов (более 90 снимков), отражающих как коллекцию Государственного Эрмитажа, так и научные поездки автора доклада по странам изучаемой культуры. К.и.н. А.А. Терентьев (независимый исследователь, главный редактор журнала «Буддизм в России») в своем докладе представил все собранные им варианты толкования термина «Акаништха», обычно понимаемого как обозначение высшей небесной области в рамках сансарического бытия, однако, как следует из материалов доклада, возможны и иные толкования. В дискуссии по этому поводу приняла активное участие к.и.н. Р.Н. Крапивина (ИВР РАН), представившая трактовку термина согласно учению текста «Абхисамая-аланкары», где Акаништха понимается как место, в котором происходит мгновенное достижение состояния Пробуждения. Это выступление послужило своего рода прологом к ее собственному докладу, посвященному презентации основного содержания и значения глав V–VII названного выше сочинения.

Во второй день работы конференции состоялось два заседания. Тематика докладов первого из них была связана с историографией и социологией Тибета (председатель — к.и.н. А.А. Терентьев). Заседание открылось докладом д.и.н. В.Л. Успенского (СПбГУ), посвященным истории Хошутского ханства ойратов, созданного Гушиханом в районе Кукунора и оказавшего сильное влияние на расстановку политических сил в Центральной Азии в XVII–XVIII вв. Сообщение М.А. Солощевой (СПбГУ) детально описывало ситуацию междоусобного конфликта 1727–1728 гг., сложившуюся во внутренней политике Тибета в результате напряженности в отношениях тибетских *калонов* (ведущих чиновников) между собой (докладчицей была представлена графическая схема родства *калонов* и возникших на его основе клановых отношений). Также доклад включал в себя анализ политики цинского императора Юнчжэна, проводимой в отношении данного вопроса. В.С. Толочков, аспирант Института этнологии и антропологии РАН (Москва), прочитал доклад о путях сохранения этнической идентичности тибетцев в современном мире, рассказав об устройстве жизни тибетских сообществ в условиях диаспоры и о сложившихся в этой среде организациях (на примере Тибетского молодежного конгресса). Сообщение включало в себя выдержки из интервью с представителями тибетской диаспоры, проживающими в Индии, США и других странах.

Второе заседание (под председательством к.и.н. Р.Н. Крапивиной) было посвящено лингвистике и лексикографии. К.и.н. Ю.В. Болтач (ИВР РАН) подробно проанализировала функции тибетской частицы *ar* в тибетском тексте с целью выявить их соотношение с функциями китайского предлога 於 в переводах с тибетского на китайский язык. К.ф.н. Н.С. Яхонтова (ИВР РАН) в своем докладе рассказала о соотношении структуры и содержания тибетского алфавитного словаря поэтических выражений под названием «Лунный свет, под которым распускаются белые лотосы — умы высших знания» из собрания ИВР РАН и известного словаря «Украшение ушей мудрецов» (оба текста относятся к жанру словарей синонимов). Доклад А.А. Сизовой (ИВР РАН) был посвящен тибето-монгольскому словарю, содержащему терминологию одного из ключевых сочинений Цзонхавы — «Ламрим ченмо». В сообщении были представлены описание структуры словаря и различные способы пояснения терминов, встречающиеся в данном тексте.

Чтения вызвали интерес у коллег, не участвовавших непосредственно с докладами. На заседаниях присутствовали сотрудники ИВР РАН, студенты СПбГУ, независимые исследователи, буддийское духовенство Санкт-Петербурга.

По окончании конференции было заявлено о подготовке сборника материалов Первых и Вторых чтений, который будет издан при организационном и идейном участии Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй».

А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова

**Международная конференция
«Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966):
Источниковедение и историография
стран Ближнего и Среднего Востока»
(Санкт-Петербург, 8–9 октября 2013 г.)**

Конференция, посвященная памяти выдающегося российского и европейского ориенталиста Владимира Федоровича Минорского, состоялась на его родине впервые. Уроженец России, получивший востоковедное образование в Москве, наш соотечественник в течение 15 лет состоял на дипломатической службе, представляя интересы России в Турции и Иране, а затем более 40 лет плодотворно служил на поприще академической науки и получил признание международной научной общности. Живя за границей, он был в курсе всего, что происходило на его родине, в полемике с европейскими коллегами всегда защищал интересы России, продолжал сотрудничество с российскими и советскими учеными, поддерживал молодые таланты. По завещанию В.Ф. Минорского его богатая библиотека и большая часть личного архива были переданы вдовой ученого в Академию наук СССР и ныне хранятся в нескольких научных учреждениях, в том числе — в Институте восточных рукописей РАН.

Ученый с мировым именем, В.Ф. Минорский оставил глубокий след в нескольких областях ориенталистики. Изучению научного наследия В.Ф. и были посвящены чтения его имени. На сообщение Оргкомитета о планируемой научной сессии откликнулись 35 специалистов из 6 стран. Тематика большинства докладов была связана с основными направлениями научной деятельности В.Ф. Минорского: источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока, история Ирана в Средние века и в Новое время, курдология, историческая география, литературоведение, архивные материалы.

Пленарное заседание 8 октября 2013 г. открылось докладом директора ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Поповой «Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН». В нем были изложены история формирования Архива, его состав и современное состояние, значение для мировой науки, текущие задачи по обработке и обеспечению сохранности фондов, а также их доступности для специалистов.

Доклад проф. Д.Х. Дорри (МГЛУ, Москва) «Мое знакомство, дружба и переписка с В.Ф. Минорским и его женой Т.А. Минорской» представлял рассказ о его впечатлениях от встреч с ученым и его супругой на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960), о их поездках по востоковедным центрам страны, а также о переписке с ними, продолжавшейся с 1960 по 1966 г.

В выступлении преподавателя Тегеранского университета Г. Раштиани, работавшего с материалами архива В.Ф. Минорского в ИВР РАН, был проведен анализ взглядов В.Ф. на эволюцию истории Ирана, обусловленную спецификой развития иранского общества (*Rashtiani G. Vladimir Minorsky's Narration of the Iranian History's Evolution*).

Пленарное заседание завершилось докладом д.и.н. А.И. Колесникова (ИВР РАН), посвященным характеристике основных трудов В.Ф. Минорского в области исторической географии стран Ближнего и Среднего Востока — регионов компактного проживания иранских и тюркских народов.

Работа «Чтений памяти В.Ф. Минорского» была организована по секциям, заседавшим последовательно, что давало возможность докладчикам и гостям конференции участвовать в обсуждении большего числа проблем.

Треть заявленных на чтения докладов были прочитаны на двух заседаниях секции «Источниковедение и историография». Первым был озвучен доклад к.ф.н. П.Б. Лурье (зав. сектором в Отделе Востока Государственного Эрмитажа) «Дорожник в Китай по „Худуд ал-‘Алам“ и „Зайн ал-ахбар“ Гардизи. Дата и авторство общего источника». Развивая идею В.Ф. Минорского о том, что топография дорожника относится к более раннему времени, чем упомянутые сочинения (X и XI вв. соответственно), докладчик назвал вероятную дату первоисточника — 766 г., а передатчиком китайского итинерария — сочинение Ибн Хурдадбега (IX в.). Ю.Д. Балащенко (с.н.с. Музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты» Академии художеств) в докладе «Мирное урегулирование русско-иранского конфликта в 1829 г.» подробно осветил историю искупительного Посольства иранского принца Хосрова Мирзы в Россию (1829), положительные результаты Посольства и судьбы его главных участников.

В русле исламоведческих исследований В.Ф. Минорского были оформлены доклады к.и.н. А.К. Алексева (доц. Восточного ф-та СПбГУ) «Нуджум ас-сама’ фи тараджим ал-‘улама’ Мухаммад ‘Али Азада Кашмири как памятник шиитской агиографии XIX в.» и к.и.н. А.А. Хисматулина (с.н.с. ИВР РАН) «Авторское право в средневековом исламе на примере четырех версий жития Баха ад-дина Накшбанда».

Сотрудники Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала) — зав. отделом института, к.и.н. М.А. Мусаев и м.н.с. института, к.и.н. Р.С. Абдулмажидов — в своих докладах представили источниковедческий анализ биографических сочинений XIX — начала XX в., значительно обогащающих историю Дагестана Нового времени описаниями деяний исторических личностей.

Доклад к.и.н. В.Ю. Крюковой (с.н.с. МАЭ РАН) «В.Ф. Минорский и изучение иранских заимствований в русском фольклоре» был выдержан в духе литературного источниковедения. В нем обосновывается тезис о том, что Минорский был «первым ученым, открывшим европейскому миру роль иранского эпоса в истории формирования русского фольклора».

В докладе к.ф.н. Н.Н. Телицина (доц. Восточного ф-та СПбГУ) «Опыт датировки тюркского памятника согдийским письмом» речь шла о надписях на стеле и на каменной статуе при погребальных комплексах эпохи Первого тюркского каганата. Доцент НИУ «Высшая школа экономики» (СПбФ), к.ю.н. Р.Ю. Почекаев, оценивая вклад В.Ф. Минорского в изучение чингизидского права, пришел к заключению, что труды российского ученого могут служить фундаментом для дальнейших исследований истории этой правовой системы в государствах Евразии.

Два доклада на заседании секции были посвящены философскому осмыслению творчества выдающихся персидских поэтов Средневековья — Фирдоуси и Бедиаля. Профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков С.А. Абдуллоев (Алматы) выступил с докладом «„Шах-наме“ Фирдоуси: ответ истории или потребность времени?». Заместитель директора по науке Института философии, политологии и права АН Республики Таджикистан (Душанбе) д.филос.н. Н.Н. Садыкова сосредоточила внимание на категориях этики и свободы человека в мировоззрении Бедиаля.

На заседании секции «История Ирана» были заслушаны три доклада. Член Союза писателей России А.П. Андрюшкин охарактеризовал российско-британское взаимодействие в Иране в годы Первой мировой войны и отражение этих событий в современных отечественных публикациях. Основным вектор такого взаимодействия проходил по разграничительной линии между Ираном и Турцией, установленной в 1913–1914 гг. четырехсторонней комиссией, в работе которой активное участие принимал В.Ф. Минорский.

Доклад к.филос.н., доцента кафедры кино- и фотоискусства СПбГУКИ М.М. Гурьевой и заместителя заведующего отделом Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО Л.И. Стариловой представлял обзор коллекций фотоматериалов А.В. Севрюгина (1830–1933) об Иране конца XIX — начала XX в. из фондов РОСФОТО и Архива востоковедов ИВР РАН (Ф. 134). Текст доклада был иллюстрирован фотографиями различных городов Персии (Решта, Исфахана, Тегерана и др.) и портретами иранских знатных особ, проживавших в Персии в конце XIX в.

В докладе «О „бедном“ Иране и „богатой“ Франции в конце XVII в.» д.и.н., проф. И.В. Базиленко (ИВР РАН, Восточный ф-т СПбГУ), опираясь на комментарий В.Ф. Минорского к изданию «Руководства по Сафавидской администрации» и сведения французских путешественников, писавших об Иране, опровергает выводы авторов советского учебника по истории Ирана (1958) о крайней бедности населения страны в описываемый период.

В секции «Литературоведение» было заслушано четыре доклада. В выступлении д.ф.н. В.А. Лившица (гл.н.с. ИВР РАН) была дана оценка вкладу В.Ф. Минорского в изучение поэмы *Вис-у Рамин* Фахруддина Гургани и приведены сведения авторов XIII–XIV вв. о возможном времени появления парфянского прототипа поэмы. Доклад к.ф.н. В.А. Дроздова (Восточный ф-т СПбГУ) был посвящен анализу трактовки отношений между повелителем и его слугой (в данном случае между султаном Махмудом Газневи и Айазом) в персидской суфийской литературе. Д.ф.н. О.М. Чунакова (ИВР РАН) в докладе «Среднеперсидский манихейский фрагмент из Архива РАН» предложила свой перевод нового фрагмента, палеографическое описание текста и примечания к переводу. Выступление к.ф.н. А.И. Пылева (Восточный ф-т СПбГУ) было посвящено установлению фольклорного источника сказки М.Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» и персидских имен ее главных действующих лиц.

Работа секции «Архив В.Ф. Минорского» открылась докладом д.и.н. Е.И. Васильевой (ИВР РАН) «Заметки В.Ф. Минорского на полях рукописи „Хадики-йе Насирийе“ из фонда ИВР РАН», в котором была дана высокая оценка многочисленным уточнениям, сделанным рукой ученого для атрибуции местной микротопонимии.

В докладе В.В. Голубинова, арт-директора брендинговой компании REALPRO, члена Союза дизайнеров России (Москва), было озвучено содержание 12 писем коллеги и корреспондента В.Ф. Минорского С.П. Голубинова (1879–1951), в которых нашли отражение личные впечатления автора об Иране и Франции (1917–1922). Письма хранятся в фонде В.Ф. Минорского в ИВР РАН (Ф. 134).

Доклад ученого секретаря ИВР РАН, к.и.н. О.А. Водневой был посвящен анализу архивных документов по новой и новейшей истории Афганистана из фонда В.Ф. Минорского (Ф. 134, оп. 1–6) Архива востоковедов ИВР РАН. В докладе была подчеркнута научная ценность не только содержательной части документов, но и личных наблюдений и комментариев В.Ф. Минорского, в том числе его многочисленных пометок в тексте и на полях копий официальных документов. Было отмечено благожелательное отношение В.Ф. Минорского к российской и советской академической науке и к России в целом.

В.М. Дзевановский (Государственный Эрмитаж) в своем выступлении отметил важное значение эпистолярного наследия В.Ф. Минорского на европейских и восточных языках, насчитывающего 2483 единицы хранения в Фонде 134 Архива востоковедов ИВР РАН.

На заседании секции «IN MEMORIAM. В.Ф. Минорский» выступили четыре докладчика. Директор Центра изучения персидской культуры (Шах-наме) Кембриджского ун-та, к.ф.н. Ф.И. Мелвилл по архивным материалам восстановила кембриджский период жизни В.Ф. Минорского, этапы его преподавательской деятельности, его переписку с британскими и российскими коллегами (*Melville F.I. Ph.D. University of Cambridge. Minorsky in Cambridge*).

В русле профессиональных интересов д.и.н. О.П. Щегловой (ИВР РАН) был построен ее доклад «Литографированные книги на персидском языке из собрания В.Ф. Минорского», в котором была проведена жанровая классификация 33 изданий собрания, представляющих значительный интерес для изучения истории старопечатной книги в Иране.

В докладе к.и.н. Б.В. Норика (ИВР РАН) были рассмотрены рукописи собрания ИВР РАН, принадлежащие коллекции В.Ф. Минорского. В коллекции представлено без малого три десятка манускриптов на персидском, арабском, турецком и курдском языках, отражающих основные научные интересы их владельца.

Завершилась работа секции докладом к.и.н. Я.В. Пилипчука (Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины) «Куманологические исследования В.Ф. Минорского».

На курдоведческой секции были заслушаны доклады д.ф.н. З.А. Юсуповой — «В.Ф. Минорский и его роль в развитии курдоведения», к.ф.н. Ж.С. Мусаэлян — «Курская рукопись середины XIX в. из фонда В.Ф. Минорского» и ст. лаб. Б.Дж. Халатян — «Сведения о курдах по архивным материалам В.Ф. Минорского».

Первая часть доклада З.А. Юсуповой содержала краткие сведения о жизни и научной деятельности В.Ф. Минорского — выдающегося русского ориенталиста XX в., получившего широкое международное признание (он был профессором Лондонского университета, членом-корреспондентом Британской и Французской академий наук, почетным членом Азиатских обществ Франции и Германии, обладателем золотой медали Британского Азиатского общества, а также почетным доктором Кембриджского и Бельгийского университетов). Во второй части доклада был дан обзор основных трудов ученого (по истории, географии, этнографии, языку и словесности курдов), являющих собой значительный вклад в развитие мирового курдоведения. В докладе были затронуты и архивные материалы В.Ф. Минорского, хранящиеся в фондах ИВР РАН. В частности, была отмечена одна из его неопубликованных статей — «Курды — потомки мидян», в которой обосновывается гипотеза мидийского происхождения курдов, впервые выдвинутая им на XX Международном Конгрессе востоковедов в 1938 г. в Брюсселе.

В докладе Ж.С. Мусаэлян речь шла о рукописи «Курдско-французского разговорника» («Курдские диалоги») из собрания русского ученого, консула в Эрзеруме (Турция) в середине XIX столетия А.Д. Жабы, датируемой 1880 г. Эта рукопись была передана в ЛО ИВ АН СССР (ныне ИВР РАН) в мае 1952 г. проф. В.Ф. Минорским. Авторами диалогов являются курдский ученый XIX в. Мала Махмуд Баязиди и двое неизвестных курдских поэтов. В докладе рассматриваются история создания названной рукописи, как она попала к В.Ф. Минорскому, некоторые сведения об А.Д. Жабе и его заслугах перед курдоведением, а также отраженные в рукописи сюжеты: обряды (свадебный, рождение ребенка, похоронный); обычаи, занятия (земледелие, ско-

товодство, ремесла, игры и развлечения). Приводятся сведения о курдских школах, книжных лавках, профессии писаря, об участии курдов в военных действиях, об армяно-курдских отношениях и др. Памятник дает ценный материал для изучения этнографии, культуры и языка курдов того времени.

Доклад Б.Дж. Халатян, предваряемый некоторыми сведениями из биографии В.Ф. Минорского, содержит обзор личного архива ученого, хранящегося в фондах ИВР РАН, насчитывающего 4385 единиц хранения на русском, европейских и восточных языках, включающих автографы, корректуры, рецензии, отчеты о деловых поездках, обширную переписку, а также большое количество фотографий. Основное внимание докладчика было сосредоточено на фотоматериалах (13 единиц хранения), часть которых, представлявшая снимки курдских племен и разных местностей Курдистана, была впервые продемонстрирована при изложении доклада с помощью проектора.

По итогам «Чтений памяти В.Ф. Минорского» был подготовлен сборник статей и тезисов Международной конференции.

И.В. Кульганек

XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»

(Санкт-Петербург, 9–11 октября 2013 г.)

9–11 октября 2013 г. в Санкт-Петербурге прошла XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие», организаторами которой выступили: Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов. Конференция проходила при участии Всемирного клуба петербуржцев, Санкт-Петербургского художественного училища им. Н.К. Рериха, Санкт-Петербургского культурологического общества, Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие». Основными темами для обсуждения были предложены следующие: История изучения Азии: новые открытия; Санкт-Петербург и Кавказ: к истории культурных связей; Династия Романовых и вопросы культурной жизни России. Прошедшая осенняя сессия была посвящена 90-летию начала Первой Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха, 100-летию поездки Н.К. Рериха на Кавказ, 100-летию балета И.Ф. Стравинского–Н.К. Рериха–В.Ф. Нижинского «Весна священная», 400-летию Дома Романовых. Заседания проходили в помещении лектория Государственного Эрмитажа, Петровском зале Санкт-Петербургского государственного университета и в Музее-институте семьи Рерихов.

Пленарное заседание открыл А.А. Бондаренко, директор Санкт-Петербургского государственного Музей-института семьи Рерихов. Он кратко остановился на истории проведения подобных конференций и отметил, что данное научное мероприятие посвящено сразу нескольким юбилейным датам, поэтому является особым событием в культурной жизни России. В.Л. Мельников, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного Музей-института семьи Рерихов по научной работе, выступивший на пленарном заседании, представил новые интересные фотодокументы о жизни и деятельности Н.К. Рериха, его семьи и последователей.

В первый день конференции было проведено награждение лауреатов международной премии им. Николая Рериха по номинациям: художественное творчество, педагогика и просветительство, сохранение культурных ценностей и миротворчество, сохранение рериховского наследия, сохранение культурного образа России в мире. Эта премия присуждается видным представителям отечественной и мировой культуры и творчески ярким, но не всегда знакомым широкой публике художникам, педагогам, деятелям науки и работникам культуры, общественным деятелям, вносящим особый вклад в сохранение и развитие творческих традиций, культурных и нравственных основ. Среди лауреатов прошлых лет были Валерий Абисалович Гергиев, художественный руководитель Мариинского театра; Мстислав Леопольдович Ростропович, знаменитый виолончелист, пианист, дирижер; Людмила Алексеевна Вербицкая, ректор и президент Санкт-Петербургского государственного университета; Михаил Борисович Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа; Леонид Михайло-

вич Рошаль, известный врач, педиатр, хирург; Даниил Этнин, директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке; Шагдарын Бира, президент Монгольской академии наук; Борис Асафович Мессерер, театральный художник. В этом году лауреатами стали: скульптор, народный художник России, профессор, заведующий кафедрой архитектурно-декоративной пластики Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица Анатолий Гордеевич Дема; главный редактор все-российского детского журнала «Костер», председатель общественной организации ассоциации детской и педагогической прессы Санкт-Петербурга Николай Борисович Харлампиев; Гунта Рихардовна Гудзите, организатор общества Николая Рериха в Латвии, исследователь его жизни и творчества, борец за признание имени художника в Латвии; Э.С. Кочергин, театральный художник театров «Современник», Малого театра, МХТ им. А.П. Чехова, «Театра на Таганке», Московского театра сатиры, Театра Европы, Театра им. В.Ф. Комиссаржевской, театров Финляндии, Югославии, Польши, Венгрии, Германии, США, Канады, Японии; Пань Икуй, председатель Российской ассоциации китайских художников, вице-президент Ганьсуского филиала союза китайских художников, член Санкт-Петербургского союза художников.

На конференции наибольшее количество научных докладов было представлено сотрудниками Института восточных рукописей РАН.

Доклад в.н.с. сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН С.Г. Кляшторного «Орхонская экспедиция Императорской Академии наук и новые открытия древнетюркских рунических памятников» был посвящен открытию древнейшей центральноазиатской цивилизации кочевых народов, сделанному благодаря результатам работы Орхонской (1891–1896 гг.) экспедиции Императорской Академии наук.

Зав. Отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН Т.Д. Скрынникова в докладе «Солнце в традиционной культуре народов Центральной Азии» рассказала о влиянии божества — Солнца на традиционную культуру западного региона расселения народов Центральной Азии, что нашло отражение в археологических памятниках, традициях и ритуалах.

К.филос.н. Т.В. Ермакова в докладе «„По тропам Срединной Азии“ Ю.Н. Рериха как источник для изучения центральноазиатской культуры» осветила значение монографии Ю.Н. Рериха на современном этапе исследования центральноазиатского культурного региона.

Зав. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН Т.А. Пан в докладе «Важность изучения синьцзянских *сибэ* для решения некоторых проблем культуры Дальнего Востока» остановилась на важности изучения культуры, языка сибинцев Чабчала, единственной из маньчжурских народностей, сохранивших письменность, разговорный диалект маньчжурского языка, а также культуру и традиции. Похоронные обряды сибинцев дали ключ к пониманию захоронений древних народов Приамурья и Приморья.

Главной темой выступления зав. Сектором Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН И.В. Кульганек «Поездка Цесаревича Николая по Забайкалью в 1891 г. (по материалам Рукописного фонда ИВР РАН)» стало рассмотрение посещения будущим императором бурятских регионов Забайкалья и влияния этой поездки на дальнейшее экономическое и культурное их развитие. Особое внимание было уделено характеристике и литературоведческому анализу панегирика, находящегося в Рукописном фонде ИВР РАН, написанного в память об этом событии в жизни бурятского народа.

К.ф.н. Д.А. Носов в выступлении «Отчет В.А. Казакевича о поездке в Гоби 1924 г. — неизвестный источник по культурной истории Монголии» ввел в научный оборот

материалы о работе гобийской партии Ученого комитета МНР и определил их методологическое значение для этнографических и фольклористических наблюдений, проводимых на современном этапе, и переосмысления уже существующих.

Доклад фотографа-реставратора ИВР РАН С.Л. Шевельчинской «Альбомы фотографий архитектурных памятников Турфанского оазиса в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН» касался изучения материалов Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг. на основе фотоальбомов, хранящихся в архиве ИВР РАН. С.Л. Шевельчинская отметила важность результатов работы экспедиции, положившей начало новому подходу к сохранности древних памятников и ставшей эталоном для ученых всего мира.

С интересом были заслушаны доклады: А.А. Ковалева — об исследовании ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн Увер в Монголии; Ю.Ю. Будниковой — о малоизвестной статье Ю.Н. Рериха «Голоки и их этнический характер»; А.К. Крылова — о церковном художественном наследии России на рубеже XIX–XX вв. и в наше время; Н.А. Мозохиной — об открытых письмах Общества возрождения художественной Руси. Ряд докладов носили стендовый характер.

Осенняя сессия конференции проходила в дни работы в Музее-институте семьи Рерихов выставок: «Цветы художества», «Вклад Дома Романовых в развитие художественного образования в России», «Отец и сын. Николай и Святослав Рерихи», «Пермский иконостас Николая Рериха». В рамках конференции были организованы экскурсии по рериховским местам Санкт-Петербурга, выступление ансамбля солистов хорового театра Петербурга под управлением Ольги Синициной, экскурсия по Музею-институту семьи Рерихов.

Конференция «Рериховское наследие» прошла на высоком научном и организационном уровне. Доклады вызвали заинтересованное обсуждение и обмен мнениями. Проблемы, обсуждаемые на заседаниях, широкий круг участников показали, что интерес к художественному творчеству, рериховским идеалам, т.е. к гуманистическому наследию всех членов семьи Рерихов, приобретает в настоящее время новую силу и звучание, что имеет большое значение для культурной жизни России и всего мира.

И.В. Базиленко

**Международная конференция
«Династия Романовых и Восток
(К 400-летию Дома Романовых)»
(Санкт-Петербург, 15–16 октября 2013 г.)**

По решению Великого Земского Собора 11(21) июля 1613 г. в Успенском соборе Московского Кремля местоблюститель патриаршего престола митрополит Казанский Ефрем (Хвостов) совершил обряд Венчания на царство Михаила Федоровича Романова (1613–1645) и, таким образом, положил начало правлению новой династии в России. Церемониями и праздничными мероприятиями на государственном уровне предложили отметить в 2013 г. 400-летие дома Романовых Санкт-Петербург, Кострома, Волгоград, Мещовск, Екатеринбург и Нижний Новгород.

15–16 октября 2013 г. в Институте восточных рукописей РАН состоялась Международная конференция «Династия Романовых и Восток (К 400-летию Дома Романовых)», организаторами которой стали Институт восточных рукописей Российской академии наук и Российское историческое общество. На конференции выступили с докладами сотрудники ИВР РАН, Российской национальной библиотеки, Государственного музея истории религии, факультета социологии, Восточного и филологического факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, издательства «Индрик», Санкт-Петербургской Православной духовной академии, Института языка и литературы имени Алишера Навои АН Республики Узбекистан, Государственного Эрмитажа, ООО «Издательство Светоч», факультета социально-политических наук Ярославского гос. университета им. П.Г. Демидова, ФГБОУ ВПО «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта», Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ). На заседаниях было заслушано и обсуждено 30 докладов, часть из которых сопровождалась демонстрацией фото-, аудио- и видеоматериалов.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась директор ИВР РАН, зав. Отделом рукописей и документов, д.и.н. И.Ф. Попова, которая напомнила присутствовавшим о вкладе династии Романовых в установление и упрочение регулярных связей России со странами Востока, в историю возникновения и развития отечественной востоковедной науки.

Пленарное заседание было продолжено докладом-презентацией заведующей Сектором восточных фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки О.В. Васильевой «Русские императоры и создание источниковедческой базы отечественного востоковедения. Из истории формирования рукописного фонда Российской национальной (Императорской Публичной) библиотеки», в котором была подробно охарактеризована плодотворная деятельность русских монархов (от Екатерины II до Николая II) по коллекционированию редких восточных рукописей и составлению, тем самым, источниковедческой базы для бурного развития российского востоковедения в XX в.

Главный хранитель ФГБУК «Государственный музей истории религии», к.филос.н. Е.В. Денисова в своем сообщении «Дом Романовых и Святая Земля» рассказала о традиции августейшего паломничества в Святую Землю представителей династии, начиная с мая 1859 г., и о паломнических реликвиях, связанных с членами Дома Романовых, которые ныне хранятся в фондах Государственного музея истории религии.

Доц. кафедры истории России факультета социально-политических наук Ярославского гос. университета им. П.Г. Демидова, к.и.н. С.А. Шубина в выступлении «Романовы и деятельность Императорской Российской духовной миссии в Китае (XVIII — начало XX в.)» осветила роль династии Романовых в создании и организационном оформлении института духовной миссии в Китае и остановилась на фактах покровительства, которое оказывала царская фамилия Пекинской православной духовной миссии.

Доклад «Буряты в составе Российской империи», представленный вниманию слушателей зав. Отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН, д.и.н. Т.Д. Скрынниковой, касался проблемы самоидентификации бурят в составе Российской империи на примере оригинальных бурятских хроник. Были выделены различные уровни идентичностей: родовой, племенной, общебурятский, конфессиональный (буддийский) и российский.

Представитель филологического факультета СПбГУ, научный редактор раздела «Быт и архитектура» энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга» Е.И. Жерихина в сообщении «Новомихайловский дворец» подробно осветила историю постройки и эксплуатации дворца вел. кн. Михаила Николаевича Романова с середины XIX в. до падения династии. Особое внимание в докладе было уделено «восточным» комнатам дворца, созданного по проекту А.И. Штакеншнейдера.

«Российский Императорский Дом и Христианский Восток в период царствования Александра II» — так обозначил тему своего доклада генеральный директор издательства «Индрик» К.А. Вах, который подробно рассказал о вкладе членов Дома Романовых и особенно Александра II в процесс реализации русских национальных проектов на Ближнем Востоке.

Доклад к.п.н., доцента ФГБОУ ВПО «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта» А.А. Свирса «Феномен имперского культуртрегерства в Западном Закавказье: „На службе Царю и Отечеству!“ (К 135-летию основания „Русского Батума“») содержал анализ деятельности легендарных российских культуртрегеров, которые методично осваивали земли «русских субтропиков», ставшие «жемчужиной Колхиды» в короне Российской империи к 300-летию дома Романовых.

С.н.с. кафедры социологии социальных и политических процессов факультета социологии СПбГУ, к.юр.н. М.Ю. Прохорова в докладе «Восточная политика Екатерины II и „Проект Всеобщего перемирия“» обобщила сведения о знаменитом проекте А. Гудара, поддержанном императрицей и переведенном на русский язык в разгар русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

В совместном докладе представителей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) в.н.с., д.и.н. Д.Д. Амоголоновой и с.н.с., к.и.н. Н.В. Цыремпилова «Буддизм в контексте Российской империи: адаптация религиозной инаковости» были охарактеризованы история проникновения буддизма в Бурятию, его распространение и формы адаптации в новых условиях на территории Российской империи, взаимоотношения с российской администрацией.

Н.с. Отдела БАН при ИВР РАН, к.ф.н. Э.С. Русинова в сообщении «Путешествие цесаревича Николая Романова в Египет и Индию в 1890–1891 гг.» осветила фактоло-

гию и культурно-историческое значение экспедиции, совершенной цесаревичем и его спутниками на кораблях эскадры ВМФ России.

Доклад зав. сектором Центральной Азии ИВР РАН, д.ф.н. И.В. Кульганек «Рукописи на старомонгольском языке об императоре Николае II из фондов ИВР РАН» содержал подробный анализ двух текстов панегириков, написанных в связи с посещением Забайкалья будущим императором в июне 1891 г. и коронацией Николая II, состоявшейся 17 мая 1896 г. в Москве.

Доклад зав. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, к.и.н. Т.А. Пан был посвящен трем маньчжуро-китайским верительным грамотам из коллекции ИВР РАН, которые были посланы Николаю II последним императором династии Цин, Пу И в 1908 г. Историческая ценность грамот заключается в том, что они являются самыми поздними официальными документами династии Цин, написанными на маньчжурском языке.

Сообщение ст. лаборанта ИВР РАН, кандидата богословия М.В. Фионина «Греческий лекционный из коллекции Антиохийского патриарха Григория IV» было посвящено детальному описанию раритетного лекционного, хранящегося в рукописной коллекции ИВР РАН.

Доцент, к.ф.н., докторант Института языка и литературы им. Алишера Навои АН Республики Узбекистан Г.И. Халлиева в докладе-презентации «Вклад российских востоковедов в изучение тюркской литературы XIX в.» рассказала о выдающемся вкладе отечественных ориенталистов в исследование поэтического и прозаического наследия тюркоязычных авторов заявленного периода.

С.н.с. сектора Южной Азии ИВР РАН, к.филос.н. Т.В. Ермакова представила доклад «Вклад графа С.С. Уварова (1786–1855) в организацию российского востоковедения». Был проанализирован социокультурный и политический контекст возрастания интереса к Востоку в России в 1810-е годы, обозначено институциональное оформление этой тенденции и отмечена роль С.С. Уварова в организации Азиатского Музея Академии наук.

Биография одного из основоположников российского японоведения Д.М. Позднеева (1865–1937), являющаяся примером истинного служения Отечеству, верность которому ученый пронес через всю свою жизнь, стала темой доклада «Д.М. Позднеев: путь от чиновника до патриарха отечественной японистики», сделанного с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, к.и.н. К.Г. Маранджян.

Основываясь на архивных материалах из Отдела рукописей РНБ, ученый секретарь ИВР РАН, к.и.н. О.А. Воднева в докладе «Российско-афганские отношения начала XX в. (по материалам отчета Е.П. Ковалева)» проанализировала деятельность управляющего Бухарской таможней Е.П. Ковалева и мероприятия различных представителей Российской империи, направленные на развитие торгово-экономических отношений с Афганистаном.

Во второй рабочий день конференции очередное заседание открылось докладом зав. Отделом Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, доц., д.и.н. С.А. Французова «Две арабо-христианские книги из библиотеки великого князя Константина Николаевича», который был посвящен обстоятельствам поступления в библиотеку ИВР РАН Псалтири и Октоиха на арабском языке, напечатанных в Святогробской типографии Иерусалимского православного патриархата в 1854 г. По предположению докладчика, книги были подарены великому князю Константину Николаевичу в Иерусалиме в мае 1859 г., хранились в библиотеке Мраморного дворца, а в марте 1925 г. были переданы в Азиатский Музей.

В докладе «Авантюра Н.И. Ашинова на Африканском Роге (на основе архивных документов)» аспирантка ИВР РАН Е.В. Гусарова, использовав ранее не введенные

в научный оборот документы ЦВМА, АВ ИВР РАН и фонда Отдела рукописей РНБ, реконструировала некоторые важные детали, связанные с попыткой основать русскую колонию «Новая Москва» на территории нынешней Эритреи.

В докладе аспирантки ИВР РАН Е.О. Стариковой «Путешествие цесаревича Николая: Сайгон и Чолон» были освещены события путешествия цесаревича Николая в 1890–1891 гг., происходившие в столице французского Индокитайского союза. Были продемонстрированы редкие архивные фотографии того времени.

Важному событию церковной истории начала XX в., с которым общественность связывала надежды на восстановление патриаршества в России, было посвящено выступление преподавателя Санкт-Петербургской Православной духовной академии, кандидата богословия Д.А. Карпука «Визит Антиохийского патриарха Григория IV в Россию на торжества, посвященные празднованию 300-летия Дома Романовых в 1913 г. (По материалам церковной периодической печати)».

Доцент филологического факультета СПбГУ, к.ф.н. А.В. Родосский рассказал слушателям о религиозных мотивах в поэзии К.Р. (Константина Константиновича Романова), прочитал и прокомментировал несколько стихотворений талантливого поэта, касающихся известных библейских сюжетов.

Истории установления постоянных дипломатических связей между Московским государством и Сафавидским Ираном в XVII в., а также примерам особого расположения, которое питали друг к другу Михаил Романов (1613–1645) и Аббас I Великий (1587–1629), был посвящен доклад в.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН, проф., д.и.н. И.В. Базиленко «Русско-иранские отношения при первых царях из династии Романовых».

Член Союза писателей России, генеральный директор ООО «Издательство Светоч» А.П. Андрюшкин предложил вниманию слушателей сообщение «Граф Н.П. Игнатьев (1832–1908) и Дом Романовых в контексте ближневосточной политики России», содержащее рассмотрение дипломатической деятельности знаменитого Н.П. Игнатьева на Ближнем Востоке и его отношений с российскими императорами.

Биография и идейное наследие А.А. Дмитриевского стали темой доклада «Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929) как исследователь Ближнего Востока», который представил с.н.с. сектора Ближнего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, к.и.н. А.Г. Грушевой, опираясь на фактологически насыщенные материалы из архива академика, хранящиеся в РНБ и АВ ИВР РАН.

С.н.с. сектора Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, к.и.н. Б.В. Норик в сообщении «„Кавказский дневник“ В.А. Косаговского (1857–1918)» коснулся малоизвестных событий службы командира Персидской казачьей бригады, описанных в авторском дневнике, хранящемся в АВ ИВР РАН.

Подробному анализу исследовательской, переводческой и общественной деятельности ираниста и кавказоведа Адольфа Петровича Берже был посвящен доклад в.н.с. сектора Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, д.и.н. А.И. Колесникова «А.П. Берже (1828–1886) — российский исследователь Кавказа и Ирана».

В докладе в.н.с. сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, д.филос.н. С.Л. Бурмистрова рассматривался вклад барона А.А. фон Сталь-Гольштейна в формирование индийской коллекции ИВР РАН. По мнению докладчика, особенности рукописей, собранных Сталь-Гольштейном, свидетельствуют, что в Северной Индии переписывались и читались главным образом тексты поздней *адвайта-веданты*, содержавшие вопросы сотериологии и гносеологии.

В докладе сотрудника Государственного Эрмитажа В.М. Дзевановского были обнародованы редкие детали биографии известного переводчика, литератора, историка-

семитолога М.Л. Вишницера; кратко изложена история двух научных востоковедных обществ, шефство над которыми взяли члены Дома Романовых.

Выступившие на конференции специалисты получили хорошую возможность обсудить актуальную проблематику научных исследований, обменяться мнениями, подтвердить свой высокий профессиональный уровень, наметить планы будущего сотрудничества. Доклады участников международной конференции (очных и заочных) опубликованы в сборнике (отв. редакторы И.В. Базиленко, О.А. Воднева).

К.Г. Маранджян

**Международная конференция
«Азия и японская идентичность»**

Франция, Эльзас, 1–3 ноября 2013 г.

С 1 по 3 ноября 2013 г. в Эльзасе (г. Кьенцхайм) проходил IX международный симпозиум, организованный Университетом Хосэй (Центр международных японоведческих исследований, Токио), Европейским центром японистики Эльзаса (СЕЕЈА), Исследовательским центром цивилизаций Восточной Азии (Париж) и Страсбургским университетом. Встреча исследователей из Японии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, России и Китая проходила в рамках совместного проекта, продолжающегося уже не первый год. В центре внимания была проблема национальной идентичности Японии, которая, как заявлено в программных тезисах конференции, «благодаря своему географическому положению никогда не знала иностранного вторжения (за исключением периода послевоенной американской оккупации) и долгое время оставалась моноэтнической страной, не интегрируя в свою идентичность ни айну, обитавших на севере, ни жителей о. Рюкю на юге». В результате в Японии сложилось устойчивое представление об уникальности и исключительности своей культуры, стоящей как бы особняком от прочих азиатских культур.

Сегодня Япония, являясь партнером и союзником США, в институциональном плане, безусловно, относится к западным странам, в то же время в духовном плане она придерживается ценностей, общих для многих азиатских стран. Именно эта двуликость и биполярность японской культуры и была предметом обсуждения ученых из разных европейских и азиатских стран. Не вызывает никакого сомнения, что в последние годы Япония стремительно развернулась в сторону Азии, стремясь укрепить там свои позиции и наладить диалог с ближайшими соседями, отношения с которыми осложнены неоднозначной трактовкой событий Второй мировой войны в самой Японии и в оккупированных ею в прошлом странах. Быстрый экономический рост Китая и его все возрастающее политическое влияние, без сомнения, подстегивают Японию оспаривать право своего могущественного соседа на лидерство в Азии.

В течение трех дней конференции было прослушано 17 докладов, в которых тема национальной идентичности была рассмотрена на самом разнообразном материале. К числу наиболее ярких и интересных докладов я бы отнесла выступление Ф. Пеллетье (Университет Лиона 2), географа по основной специальности, «Дальний Восток, или Япония в Азии: изобретение метагеографических концепций», в котором была прослежена история возникновения таких понятий, как «Дальний Восток», «Восточная Азия» и многих других. Как иронично подметил французский ученый, к примеру, термин «Дальний Восток» был запрещен к употреблению в Японии во время Второй мировой войны на том основании, что японская империя не могла находиться на окраине мира!

Безусловное внимание участников также привлек зачитанный доклад китайского ученого Тан Чуннань (Tang Chongnan) из Института мировой истории Китайской

академии социальных наук, в котором четко и ясно было заявлено о полном неприятии идеи уникальности и превосходства японской идентичности.

Продолжая линию, начатую Ф. Пеллетье, швейцарский ученый Сэмюэль Гё (Университет Женевы) анализирует японские термины «тоё» («восток») и вошедшие в употребление недавно термины «хокуто адзиа» («Северо-Восточная Азия») и «хигаси адзиа бунка кэн» («культурная сфера Восточной Азии»), которые, в отличие от понятия «восток», включают в себя Японию, тем самым возвращая Японию в Азию. В докладе Кавада Дзюндзо (университет Хосэй) были проанализированы причины, побудившие японского просветителя Фукудзава Юкити призывать к «уходу из Азии», что объяснялось бытовавшей в науке XIX в. эволюционной теорией культуры. Сообщение известного австрийского исследователя Джозефа Крайнера (Боннский университет–университет Хосэй) было посвящено японской этнологии XX в. Автор выделил основные теории и парадигмы развития японской культуры и ее этногенезиса, выделяя два главных направления, а среди них концепцию гомогенности японской культуры, развивавшейся из единого источника, и концепцию многослойности культуры, обусловленной разными культурными наслоениями.

Интересный ракурс трактовки проблемы предложила японская исследовательница Эллис Берсон, рассуждая о национальной идентичности Японии на примере реорганизации выставочного пространства национального музея этнологии в Осака и музея национальной истории и фольклора в г. Сакура. Она отметила, что в экспозиции впервые представлены айнская культура и культура японцев корейского происхождения, видя в этом отражение новых тенденций в трактовке истоков японской культуры.

Американский антрополог японского происхождения Эмико Онуки-Тьерри (Висконсинский университет, штат Мэдисон) предложила рассматривать рисовую культуру в качестве некоего общего признака, типичного для «азиатской идентичности», в категорию которой попадает и Япония. Японский ученый Иноуэ Ватару (Пекинский университет) показал взаимосвязь между двумя названиями Японии — «Ва» и «Ниппон», выдвинув гипотезу, что страна вынуждена была изменить название, чтобы не подвергнуться завоеванию Танским Китаем.

Доклад Виктории Эшбах-Шабо, лингвиста по специальности, убедительно свидетельствовал, что в современном мультикультурном обществе язык не может быть единственным критерием для национальной идентичности, тем не менее вплоть до недавнего времени носители японского языка были уверены в его исключительной уникальности.

Поворот в сторону Азии, произошедший в 30-е годы прошлого столетия, когда были провозглашены идеи «Нового порядка в Восточной Азии» и «Сферы Процветания Великой Восточной Азии», ознаменовался ростом интереса к культуре стран Востока. Именно об этом эпизоде японской истории повествовал доклад Судзуки Сэйко (Токийский Университет–Университет Дидро) об изучении теории восточной музыки, предпринятом в начале 1920-х годов Танабэ Хисао (1883–1984), музыковедом и первым президентом Восточного музыкального общества. Доклад Миямото Кэйдзо (Университет Хосэй) поднял вопрос о происхождении театра Но, который долгое время считался сугубо японским явлением при осознанном игнорировании его континентального характера. Еще несколько докладов, о которых мы не упоминали, были посвящены более частным вопросам, впрочем, и они в той или иной мере были связаны с темой национальной идентичности.

Российская позиция была представлена докладом К. Маранджян, в котором были охарактеризованы основные подходы и трактовки, предложенные современными российскими японоведами по проблеме идентичности.

Во время весьма оживленных дискуссий и обсуждений неоднократно возникал вопрос о том, почему проблема национальной идентичности столь актуальна именно для японского общества. Кроме того, высказывались весьма различные мнения о том, сумеют ли азиатские страны объединиться, будет ли это объединение воспроизводить модель Евросоюза, есть ли предпосылки для такого объединения в Азии, сумеют ли Китай и Япония преодолеть соперничество. Большие споры вызвали вопросы: каковы границы понятия «Азия» и почему в эту категорию Япония включает тихоокеанские острова, например Полинезию? Можно сказать, что во время обсуждений было поставлено больше вопросов, чем получено ответов. Дальнейшее обсуждение этой темы планируется продолжить на очередной конференции на заданную тему, которая должна состояться в следующем году.

Т.В. Ермакова, Е.П. Островская

Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга

(Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2013 г.)

Очередные ежегодные Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга проходили на базе их учредителя — ФГБУН «Институт восточных рукописей Российской академии наук» (Санкт-Петербург) 20–21 ноября 2013 г.

К настоящему времени ствольные тематики чтений сформировались и, находясь в русле научных интересов О.О. Розенберга, обогатились в соответствии с проблематикой актуальных российских исследований в сфере классического востоковедения.

Программа чтений 2013 г. включала три обширных тематических блока — «Персоналии классического востоковедения», «Буддологические исследования», «Опыт изучения письменных памятников Востока». В течение двух дней было проведено 4 заседания, заслушано 22 доклада. Санкт-Петербург был представлен сотрудниками Института восточных рукописей РАН, Государственного Эрмитажа, РГПУ им. А.А. Герцена, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. За истекший с Шестых чтений год укрепились научные связи с московскими центрами востоковедения — Российским государственным гуманитарным университетом, Институтом стран Азии и Африки МГУ, Институтом востоковедения РАН. Московские участники чтений представили пять докладов. Также на чтениях выступили востоковеды из Самары, Екатеринбурга, Владивостока.

Оргкомитет чтений неизменно привлекает к участию научную молодежь. В 2013 г. с докладами по темам диссертационных исследований выступили соискатель ИВР РАН Е.В. Столярова, аспиранты Д.В. Возчиков (Екатеринбург), А.О. Михалевская (Москва). Студентка выпускного курса РХГА О.А. Бонч-Осмоловская выступила по теме дипломной работы.

История востоковедения была представлена на тематическом заседании «Персоналии классического востоковедения». С.Д. Серебряный (Москва) в докладе «О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения» осветил биографическую канву и научный вклад С.Г. Елисеева, Н.И. Конрада, Н.А. Невского и их учеников и последователей. Т.В. Ермакова проанализировала вклад П.Я. Петрова (1814–1875) в индологию и санскритологию, охарактеризовала его опубликованные работы. Е.П. Островская в докладе «Ф.И. Щербатской — первооткрыватель буддийской философии» представила новаторскую роль основоположника Санкт-Петербургской буддологической школы в интерпретации предмета буддийской философской мысли. С.Л. Бурмистров посвятил свой доклад аналитическому очерку вклада Г.Т. Кольбрука (1765–1837) в востоковедение.

На заседании «Буддологические исследования» были заслушаны доклады, тематически охватывающие буддологическое источниковедение, проблемы комментиро-

ванного перевода письменных памятников буддизма, современное состояние буддийской культуры.

М.И. Воробьева-Десятовская в докладе «Вклад С.Ф. Ольденбурга в изучение буддийских памятников индийской письменности из Центральной Азии» подчеркнула приоритетную роль С.Ф. Ольденбурга во введении в научный оборот буддийских рукописных артефактов, открытых в оазисах Восточного Туркестана, в привлечении внимания исследователей к доисламским пластам культуры региона.

И.С. Гуревич выступила с докладом «Роль буддийских письменных источников в изучении исторической грамматики китайского языка», в котором аргументировала репрезентативность произведений китайской буддийской литературы III–X вв. для исследования разговорного языка соответствующих периодов — Лючао (III–V вв.) и Тан (618–907 гг.).

Е.А. Кий представил результаты определения источниковой основы иконографического сюжета «Манджушри с тысячей чаш» в докладе «К вопросу о происхождении и передаче „Тантры Манджушри с тысячей чаш“».

В.Ю. Климов в докладе «Уход Высокомудрого Рэннэ из жизни: биографическое событие и факт культуры» на основе письменных источников проинтерпретировал обстоятельства кончины видного деятеля японского буддизма Рэннэ (1415–1499) и убедительно доказал, что в добровольном уходе из жизни Рэннэ реализовал доктринальные положения буддизма, касающиеся Благородной личности и соответствующих ей способов действия.

П.Д. Ленков в докладе «О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае» рассмотрел конкретно-исторический срез буддийско-даосского синтеза в духовной культуре Китая.

А.О. Михалевская (Москва) подняла в своем докладе малоизученную проблематику отражения сведений о буддизме в Бирме в китайских источниках.

Е.Ю. Харькова поделилась впечатлениями о поездке в Восточный Тибет и Внутреннюю Монголию летом 2013 г. Основное внимание было уделено современному состоянию буддийской культуры в КНР и монастырю Лавран. Доклад сопровождался иллюстративным материалом.

В заседании «Опыт изучения письменных памятников Востока» участники чтений представили свои результаты в области перевода и интерпретации письменных памятников Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

В.П. Иванов на основе памятника индуистской його-тантрической мысли «Хатха-йога прадипика» (Десятиглавная версия) установил базовую терминологию и сопоставил ее с языком «Йога-сутры» Патанджали, тибетской тантра-йоги, тем самым осветив малоизученные аспекты данного круга источников и их роль в культуре.

Е.В. Столярова (соискатель ИВР РАН) в докладе «Титулы эпического Вишну: анализ имен и практики их рецитации» изложила результаты диссертационного исследования имен и эпитетов Вишну в зависимости от целевого назначения их рецитации в системе ритуальной культуры.

Д.В. Возчиков (Екатеринбург) в докладе «Религии Индии и Юго-Восточной Азии в отчете венецианского путешественника Никколо Конти (1395–1469)» воссоздал картину религиозной жизни Южной и Юго-Восточной Азии по сведениям Н. Конти, воспроизвел его оценки различных явлений религиозной повседневности, доступных для наблюдения иностранцем. Докладчик продемонстрировал, каким образом мировоззрение образованных представителей эпохи Возрождения обуславливало восприятие восточной культуры.

Глубоко и всесторонне в рамках чтений была обсуждена проблематика перевода и интерпретации древнекитайских источников. В докладах М.Ю. Ульянова (РГГУ, Москва), Г.С. Поповой (ИВ РАН, Москва), М.С. Целуйко (ИСАА, Москва), А.С. Рысакова (СПбГУКИ, Санкт-Петербург) были представлены текущие результаты и обозначены перспективные проблемы исследования памятников исторической мысли, конфуцианского канона.

Чтения завершились свободной дискуссией. Было принято решение о публикации сборника научных трудов и намечены перспективы расширения проблематики следующих чтений: включить в программу доклады, освещающие научный вклад в востоковедение акад. В.П. Васильева, А.Е. Снесарева.

С.Л. Бурмистров

**30-я конференция по философской компаративистике
«Компаративная история философии как научное познание
и художественное творчество»**

(Санкт-Петербург, 22 ноября 2013 г.)

В рамках Дней философии в Санкт-Петербурге 22 ноября 2013 г. на философском факультете СПбГУ прошла 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество», организованная научным центром философской компаративистики и социогуманитарных исследований философского факультета СПбГУ. Руководитель конференции — д.филол.н., профессор кафедры истории философии философского факультета СПбГУ А.С. Колесников, ученый секретарь — д.филол.н., в.н.с. Института восточных рукописей РАН С.Л. Бурмистров.

На конференции было представлено более 30 докладов. В качестве докладчиков и гостей конференцию посетили представители ряда крупнейших научных центров России, Украины и Белоруссии.

Открыл конференцию проф. А.С. Колесников с докладом «Компаративная философия: наука и искусство». Он отметил, в частности, что невозможно заниматься ни философией, ни историей философии, оставаясь только в рамках западной философской культуры, и следует учитывать, что в других культурах (индийской, китайской и др.) философия развивалась своими путями. Современная философия предполагает, что все философские традиции в той или иной степени пересекаются друг с другом, что и делает возможными не только философскую компаративистику, но и саму философию как некий единый комплекс интеллектуальных практик, принципиально одинаковый во всех цивилизациях. Специфической чертой современной культуры — и это хорошо заметно по особенностям философии на современном Востоке, — стал интенсивный поиск новых форм и стратегий самоидентификации. Это касается и отдельного человека, пытающегося определить свое положение в изменяющемся обществе, и этноса, ищущего свое место среди других этносов, и других общностей. В наше время едва ли не каждый народ заявляет претензию на обладание собственной, самобытной философией, и это ставит перед философами вопрос — а что такое вообще сейчас философия? Обобщение философского «опыта» разных культур требует при этом, естественно, известной гибкости и учета разных представлений о сущности философии и разных моделей философствования. На все это накладываются еще и новые технологии производства субъективности через средства массовой коммуникации — телевидение, Интернет и пр., и это требует включения нового коммуникативного опыта в сферу философии наряду с традиционными, более привычными нам академическими формами философствования.

Большую дискуссию вызвал доклад д.филол.н., профессора кафедры философии Курского государственного университета А.В. Дьякова «История философии и современность: о трансформации статуса философии». В наше время, сказал А.В. Дьяков,

история философии оказалась в какой-то мере в ситуации классического double bind, хорошо описанного еще Г. Бейтсоном: ее оттесняют на второй план, требуя от философии в первую очередь построения целостных философских систем, способных дать целостное объяснение месту человека в обществе, и в то же время от нее ожидают, что она заменит собой философию *per se*.

Проблеме взаимопонимания между разными культурами на уровне философского мышления был посвящен доклад д.филос.н., профессора Московского авиационного института В.В. Кравченко «Отражения произведений Вл. Соловьева в зарубежной мысли: традиции, тенденции, трудности перевода». Даже в русской философской мысли, стоящей ближе всего к западноевропейской и американской, есть множество особенностей, делающих адекватный перевод философского текста с русского языка задачей чрезвычайно трудной. Например, тонкое, но в некоторых текстах русских философов очень важное различие между *реальностью* и *действительностью* может быть адекватно переведено на немецкий язык (*Realität* и *Wirklichkeit* соответственно), но не на английский или французский, в которых этим словам соответствует только одно (соотв. *reality* и *réalité*). Тем более серьезной становится эта проблема, когда речь идет о текстах философов Индии или Китая, где значение каждого термина требует сложной реконструкции.

Исключительно интересный доклад о категориальном творчестве в древнекитайской философии представил к.филос.н., доцент Дальневосточного федерального университета Д.В. Конончук. Китайская мысль европейцами порой воспринималась как чрезвычайно «приземленная», конкретная и неспособная подняться над предметной реальностью, возвысившись до сферы абстрактных понятий. Такой точки зрения придерживался, в частности, Гегель. В «Лекциях по философии истории» он писал, что в той сфере китайской культуры, которая европейцами воспринимается как наука, отсутствует самая фундаментальная черта науки как таковой — свободный и подлинный научный интерес. Китаец, по его мнению, слишком привязан к конкретным фактам и слишком пренебрегает абстракциями. Однако такой взгляд на китайскую культуру обусловлен полным ее непониманием, причина которого — незнание китайского языка и знакомство с трудами китайских философов только по переводам (причем чаще всего — по плохим переводам). Западный термин «категория» обычно переводится на современный китайский язык биномом *фаньчоу*, где *фань* означает «правило, закон; плавить, лить, отливать из металла», а *чоу* — «пашня, нива, межа, граница, род; распределять, распланировать». Иными словами, *фаньчоу* означает нечто, что было отлито в некую жесткую и неизменную форму и разделено на отдельные части. Такое восприятие реальности свойственно главным образом западной философии. Философ здесь — это, если угодно, «человек в башне из слоновой кости», который до известной степени оторван от мира и, пребывая в этой своей башне, с ее вершины может обозревать мир и разделять его на регионы, части, страты. Такой взгляд на мир предполагает даже своего рода насилие над реальностью, которая предстает как пассивный объект интеллектуальных манипуляций философа. Древнекитайская же философия использовала для описания реальности термин *мин* «имя, название, слово, существительное, репутация; давать имя, классифицировать». Все фундаментальные понятия китайской философии — *Дао*, *дэ*, *жэнь*, *ли*, *и* и т.д. — суть лишь такие «имена» (*мин*). Когда Конфуций говорил об «исправлении имен» (*чжэнь мин*), то фактически имел в виду именно исправление того, что представляет западной культуры назвал бы понятиями или категориями. При этом сам иероглиф *мин* состоит из двух компонентов, означающих «рот» и «вечер». С этой точки зрения имя (*мин*) — это то, что говорится в ночной темноте, когда мы слепы, и только имя

может осветить нам реальность. Древнекитайский философ не пытается определить понятие (в буквальном смысле слова — дать ему пределы, указать, где заканчивается то множество вещей, которое подведено под данное понятие). *Мин* проливает свет скорее на отдельные аспекты понятий или их использование. Школа *мин-цзя* наглядно показала невозможность спекулятивного подхода к проблеме категорий или, по крайней мере, его ограниченность. Сама континуальность реального мира не может быть загнана в жесткую сетку категорий, разработанных западной философией, и китайская философия поэтому ухватывает те аспекты реальности, которые ускользают от европейской мысли.

Китайской философии был посвящен и доклад преподавателя гимназии «Петершуле» Р.Н. Дёмина «Крестьянин-философ Тимофей Бондарев и древнекитайская школа аграриев (нун-цзя)». Школа аграриев изучена очень слабо, хотя по числу авторов и количеству сочинений практически не уступает другим школам. Ее мифологическим родоначальником ее представители считали «первоземледельца» Шэнь-нуна. Единственным занятием, действительно достойным человека, в этой школе считалось, очевидно, земледелие, все же прочие занятия рассматривались как большее или меньшее отклонение от естественного хода вещей. Известна, однако, дискуссия Сюй-синя, одного из ее представителей, с Мэн-цзы, в ходе которой последний показал внутреннюю противоречивость этических установок *нун-цзя*. Ее учение сходно с учением русского «крестьянина-философа» Тимофея Бондарева, который в своей книге «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледелия» (1906) проводил мысль, что только крестьянский труд является единственно достойным человека занятием и представляет собой единственное средство искупления первородного греха. Эта книга, ныне малоизвестная, в свое время оказала определенное влияние на русскую мысль, в частности на мировоззрение Глеба Успенского. Критика взглядов Т. Бондарева, развитая Н.Ф. Федоровым, во многом сходна с критикой школы *нун-цзя*, проведенной Мэн-цзы.

Однако философская компаративистика не может ограничиваться только обобщениями того, что уже хорошо известно и исследовано в философии Запада и культур Востока. Философ-компаративист всегда должен иметь в виду, что картина развития философии, которую он может нарисовать, зависит от того, кем и как собран материал, исследуемый потом востоковедами, и что осталось вне сферы интересов собирателя. На это обратил внимание д.филос.н., ведущий научный сотрудник ИВР РАН С.Л. Бурмистров в своем докладе «Научное наследие барона А.А. фон Сталь-Гольштейна». Предметом специального интереса Сталь-Гольштейна была Индия, и в 1903–1904 гг. он предпринял путешествие по Индии, где имел возможность тесно общаться с индийскими пандитами в Варанаси и изучать заинтересовавшую его индийскую музыку. Одним из важных аспектов его деятельности было собирание древних рукописей, и Россия обязана ему значительной по объему и любопытной по составу коллекцией индийских рукописей XVIII–XIX вв., которую он собрал во время своей поездки в Индию и которая позволяет до известной степени судить о том, какие сочинения были в ходу в то время среди индийских пандитов. Среди них имеются религиозные гимны, философские трактаты, художественные произведения. Хорошо известен, кроме того, и проведенный Сталь-Гольштейном анализ материалов, касающихся ранней истории Кушан. В частности, он исследует название «Кушаны» и показывает, что само это слово неверно и представляет собой результат ошибки или какого-то лингвистического недоразумения, а в действительности народ, основавший Кушанскую империю, называл себя *Kuśa*, а не *Kuśana*. Еще одним предметом специального интереса Сталь-Гольштейна было буддийское искусство. При

этом, конечно, он никогда не терял из виду и западную культуру, в сопоставлении с которой рассматривал и культуры Востока.

Среди других докладов, вызвавших интерес участников конференции, следует назвать «Дзэн: философия и искусство» К.С. Лобкова; «Деконструкция и философия мадхьямики-прасангики: сравнительный анализ» кандидата философских наук, доцента кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета С.М. Малкиной; «Осмысление „третьего возраста“ в философских традициях Востока и Запада» к.филос.н., доцента кафедры философии Калининградского государственного технического университета Н.В. Меднис; «Искусство и диалог культур в творчестве кн. Э.Э. Ухтомского» советника по культуре вице-мэра Санкт-Петербурга Ю.Н. Стрижак. Вопросы, поднятые докладчиками и участниками дискуссий, исключительно важны не только для разработки методологии философской компаративистики, но и для востоковедной науки, и исследование их может способствовать более полному пониманию философии стран Востока представителями цивилизации Запада.

Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2012. — 304 с.

В сборнике собраны статьи и тексты выступлений, прозвучавших на заседаниях очередного круглого стола, проходившего в Улан-Удэ летом 2012 г. Подобные мероприятия, посвященные осмыслению опыта и перспектив взаимодействия современной науки и буддизма, стали постоянными акциями, приуроченными ко Дню рождения Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, являющегося одним из инициаторов проекта сотрудничества светских ученых и буддийских философов.

Сборник состоит из трех разделов: «Наука и буддизм: актуальные направления взаимодействия и перспективы межкультурного диалога», «Философские и теоретико-методологические аспекты изучения буддизма» и «Буддизм и современное общество». В него включены статьи главным образом российских ученых из Улан-Удэ, а также материалы ученых из других городов России: Москвы (С.Л. Кузьмин), Самары (Л.Б. Четырова), Санкт-Петербурга (А.С. Колесников), Новосибирска (В.В. Лыгденова), Екатеринбурга (В.Н. Руденко), иностранных философов (Джампа Самтэн, Лобсан Норбу Шастри, Сарнатх, Индия) и ученых из ближнего зарубежья (С.В. Капранов, Киев, Украина). Сборник открывает текст выступления д.и.н., чл.-кор. РАН, директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б.В. Базарова. В приветственном слове он отметил выдающиеся заслуги Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, которые им были достигнуты в деле система-

тического сотрудничества ученых и буддийских практиков. Много лет живя за пределами родной страны, он посвятил свою жизнь делу сохранения уникальной тибетской цивилизации, стержнем которой является буддизм, а также межкультурному диалогу и установлению взаимопонимания между представителями разных мировоззренческих традиций и ценностных ориентаций. Чувствуя свою ответственность в качестве духовного и национального лидера за будущее шестимиллионного тибетского народа, Далай-лама принял решение отказаться от борьбы за независимость Тибета и следовать политике Среднего пути (политика, сформулированная с учетом того, что «единство и сосуществование китайского и тибетского народов важнее политических требований тибетского народа»). Курс Среднего пути, основанный на принципах ненасилия, равноправия народов и мирного сосуществования, нашел поддержку у подавляющего большинства тибетской диаспоры в Индии, а также вызывает уважение к Его Святейшеству со стороны мирового сообщества. Философское мировоззрение Его Святейшества Далай-ламы и его общественная деятельность по утверждению универсальных человеческих ценностей — это важные моменты единого подхода Его Святейшества к пониманию мира и человека. Ненасильственная борьба за разрешение тибетского вопроса и участие в научных конференциях вместе с известными учеными — это взаимосвязанные аспекты его деятельности. Ныне взаимодействие буддизма и науки перешло от первоначальных контактов и диалога к систематическому сотрудничеству, и благодаря этому обе взаимодействующие стороны обогащаются.

Наука получает от буддизма эвристические импульсы. Буддизм благодаря науке освобождается от некоторых устаревших представлений, например, касающихся космологии.

Светская наука и буддийская философия помогают современным людям в познании истины, чтобы с ее помощью преодолеть собственную ограниченность и раскрыть совершенную природу сознания. Одним из стратегических научных направлений Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, отметил Б.В. Базаров, является изучение интеллектуального потенциала буддизма и возможностей использования буддийских знаний на благо современного человечества. Эта задача тем более актуальна, что мир сегодня находится в критической точке своего существования.

Первый раздел включает статьи П.П. Дашинамаевой (Улан-Удэ), С.Ю. Лепехова (Улан-Удэ), Лобсан Норбу Шастри (Сарнатх, Индия), В.Г. Лысенко (Москва), О. Лхагва, Ц. Сайнсанаа, Л. Эрдэнчимэг (Улан-Батор, Монголия), Н.В. Пупышевой (Улан-Удэ), И.С. Урбанаевой (Улан-Удэ), Л.Б. Четыровой (Самара). Открывает раздел статья П.П. Дашинамаевой «Некоторые аспекты речемышления, сознания и познания: компаративистские наброски о подходах в науке и буддийской философии». Проведя анализ ряда положений познания, мышления и языковой объективации, рассматриваемых в науке и буддийской философии, автор приходит к выводу, что объекты рассмотрения буддизма трудно отнести к религиозным. Она считает, что поступательная эволюция внешней стороны жизнедеятельности не позволяет свидетельствовать о прогрессе мыслительно-познавательной способности Homo sapiens, поскольку открытия или концепции современных лингвистик и философии языка в основе своей подтверждают соответствующие тезисы буддийской философии, разработанные 1500–2000 лет назад.

В статье «Ценности буддийской цивилизации и идеалы рациональности в современной науке» С.Ю. Лепехов останавливается на вопросах развития западной и буддийской цивилизаций и тех ценностях, которые их объединяют. Он считает, что, несмотря на различия в духовной сфере, перед мировым сообществом в целом стоят одинаковые цели. Если сравнить рекомендуемые специалистами в области глобальных проблем современности ориентиры и идеалы наиболее оптимальной модели развития человечества в XXI в. с основными экономическими, экологическими, культурными и духовными параметрами буддийской цивилизации, то окажется, что многие из этих идеалов уже давно были вопло-

щены в жизнь многими поколениями индийцев, китайцев, японцев, корейцев, тибетцев, монголов, бурят, калмыков, вьетнамцев, кхмеров, тайцев, сингалов, бирманцев и представителей других народностей. Отсутствие претензий на исключительность и открытость буддизма к широкому философскому диалогу делают его все более привлекательным для интеллектуальной элиты в качестве нейтрального идейного поля, открывающего возможности для самых разнообразных контактов на всех уровнях.

В статье В.Г. Лысенко «Буддийский атомизм в свете современных понятий „эмерджентные свойства“ и „квалия“» исследуются буддийские понятия вещества и их влияние на познание человеком мира. Автор приходит к выводу, что по буддийским понятиям мир — это то, что мы воспринимаем и познаем, что определяется нашими познавательными инструментами, а не нечто постоянное и неизменное, не некое объективное положение вещей. Таким образом, термины «эмерджентность» и «квалия» могут на законных основаниях стать элементами метаязыка применительно к буддизму. Разумеется, они наполняются несколько иными смыслами, но это только послужит их обогащению. Благодаря их применению можно увидеть в этой инкультурной традиции аспекты, представляющие интерес в перспективе поисков.

Коллективная статья монгольских авторов О. Лхагвы, Ц. Сайнсанаа, Л. Эрдэнчимэг «Физика и восточная философия» проводит параллель между современными взглядами на природу вещей и процессами, протекающими в мире, с точки зрения современного развития науки и древнего интуитивно-мистического мироощущения, свойственного буддизму. Авторы статьи приходят к выводу о неуклонном сближении этих двух позиций. Прогресс современной физики и синергетики приближает момент раскрытия тайны исходных точек науки и мистической философии. Тэнгрианство было движущей силой цивилизации степных кочевников. Основания и особенности этой, как считают авторы, интуитивной науки, которая не потеряла своей актуальности для монголов и в настоящее время, с развитием «постнеклассического» мировоззрения, становятся более понятными современным исследователям.

Статья Н.В. Пупышевой «Поиск новой парадигмы: буддизм и квантовая физика» раскрывает сходство истин буддийского учения и последних открытий современной науки.

Это сходство рассматривается автором на основе документального фильма «Where Science and Buddhism Meet» («Там, где встречаются буддизм и наука»). Между буддийским взглядом на реальность и тем, как ее понимает современная наука, обнаруживается много общего. Научные открытия последнего времени, такие как теория относительности, квантовая механика, основные свойства физического вакуума, антропный принцип и многие другие, органично вписываются в буддийскую картину мира. Данные современной науки как бы подтверждают валидность основополагающей модели миропонимания буддизма. Но в то же время буддийская модель миропонимания настолько отличается от западной, что ряд понятий, казалось бы, общих для западных ученых и буддистов, имеют разное смысловое наполнение. Основное различие между принципами буддийской и западной эпистемологии лежит в сфере отношений субъекта и объекта познания. Для буддизма характерна субъектная направленность познания, для западной мысли — объектная, в соответствии с чем сформировались разные модели мира, характерные для этих культур. Буддийская и западная модели мира отличаются друг от друга точкой отсчета. Водоразделом между буддийским учением и поисками истины западных ученых остается также отношение к нравственности. Для западной физики это понятие находится вне пределов ее компетенции. Для буддийского учения нравственность — основа, игнорирование которой лишает познание смысла.

В статье И.С. Урбанаевой «Наука и буддизм: история встречи, компаративистика и перспективы взаимодействия» рассказывается о моментах схождения буддизма и современной науки. Процесс взаимодействия буддизма и западной науки углубляется благодаря инициативам людей с «подлинно открытым умом». Прежде всего к таким людям относится Далай-лама XIV с его постоянным интересом к науке и готовностью к диалогу с учеными. Благодаря его инициативе дважды в год проходят научно-теоретические конференции «Ум и жизнь» с привлечением ведущих ученых и представителей буддизма. Эти совместные конференции, с одной стороны, дают в руки ученых новые инструменты в их изысканиях, с другой — позволяют проверять на прочность теоретические основы буддизма. В статье говорится о первых достижениях в результате взаимодействия науки

и буддизма: в первую очередь в области неврологии и нейрофизиологии. На современном этапе взаимодействие буддизма и науки переходит от первоначальных контактов и диалога к постоянному активному сотрудничеству, которое обогащает обе взаимодействующие стороны. Рассматривая области взаимодействия буддизма и современной науки, И.С. Урбанаева показывает расхождения и сходство взглядов в интерпретации тех или иных явлений. Это касается в первую очередь взаимодействия буддизма с научным материализмом, физикой, биологией, космологией, философией и т.д. Буддизм, две с половиной тысячи лет назад обосновавший базовую доброту человеческой природы, предлагает сегодня от лица Его Святейшества Далай-ламы и других буддийских философов, ученых, практиков свои философские открытия современному человечеству в качестве якоря веры в фундаментальные и универсальные этические принципы.

Л.Б. Четырова в статье «Опыт рецепции философии буддизма: философ Мераб Мамардашвили» рассказывает об одном из немногих российских философов, соединившем две философские традиции — западную и восточную.

Второй раздел сборника представлен работами А.А. Базарова «Отдельные сочинения в области Дулва (Винья), характеризующие схоластическое монастырское образование в Бурятии (XIX–XX вв.)», Джемпы Самтэна «An attempt to assess the historical development of Buddhism through a comparative textual study of Mahaparinirvanasutra» («Попытка оценки исторического развития буддизма через сравнительную текстологию „Махапаринирванасутры“»), Д.С. Жамсуевой «Характеристика основных направлений научных исследований К.М. Герасимовой», С.В. Капранова «Интерпретация буддизма в работах М. Элиаде», Ч.Ц. Цыренова «Особенности перевода и интерпретации древнекитайских текстов (на материале ранних синобуддийских текстов)», И.С. Урбанаевой «Проблема реальности и сознания как интегральное основание компаративистского исследования западной и буддийской философии», Л.Е. Янгутова «О преподавании буддизма в высших учебных заведениях России». В этих статьях освещаются вопросы буддийского монастырского образования в Бурятии, исследования буддизма западными философами, схождения и различия в западных и восточных фи-

лософиях, современные подходы к изучению восточных философий, перспективы сотрудничества западных и восточных философов, а также проблемы, касающиеся преподавания буддизма в высших учебных заведениях России.

В третий раздел сборника вошли работы Д.Д. Амоголоновой «Буддийское возрождение в контексте социокультурной модернизации (на материалах современной Бурятии)», Н.Д. Болсохоевой «Тибетские Манба-дацаны и развитие классического медицинского образования в Тибете», В.В. Бороноева «Опыт научной объективизации и автоматизации метода диагностики по пульсу», П.К. Варнавского «Диалог науки и религии в условиях глобализации: в поисках взаимной опоры (на примере традиционных конфессий в Республике Бурятия)», А.С. Колесникова «Буддизм и культура России на рубеже XIX–XX вв.», С.Л. Кузьмина «Отношения „наставник — покровитель“ и проблема статуса Тибета», В.В. Лыгденовой «Символика Ступы Паринирваны на примере Хонхо-субургана, посвященного Аграмбе Гомбо Заяевичу Занданову», Д.О. Петоновой «Индо-тибето-монгольская цивилизация и „бурятский буддизм“», В.Н. Руденко «Институт жеребьевки из Золотой урны и политические процессы в тибетском буддизме», М.М. Содномпиловой «Организация сакрального пространства в современном бурятском жилище». В этих статьях освещаются вопросы буддизма в России, развития классического медицинского образования в Тибете (Д.Д. Амоголонова), современные достижения тибетской медицины и диагностики и возможность создания интеллектуального информационно-вычислительного диагностического комплекса тибетской медицины с экспертной диагностической системой (Н.Д. Болсохоева и В.В. Бороноев). Также исследуются вопросы взаимодействия РПЦ и буддизма — традиционных конфессий России, их отношение к науке и научным достижениям, влияние на развитие национальных культур (П.К. Варнавский и А.С. Колесников).

Главный вывод статьи В.В. Лыгденовой сводится к тому, что Хонхо-субурган, созданный в память о выдающемся буддийском деятеле Гомбо-ламе, является не только мемориалом, поставленным земляками в благодарность великому Учителю, он несет в себе глубинный смысл буддийской философии, состоящий в том, что цель каждого практикующего буддиста — достижение просветления.

В статье Д.О. Петоновой рассматривается более чем трехсотлетняя история распространения буддизма в Бурятии, начиная со времен царской России и до настоящего времени, включая периоды упадка и возрождения. Автор отмечает проблемы, связанные в первую очередь с идеей автокефальности буддийской церкви России. Эта внутренне противоречивая идея навязана современному обществу общественно-политическим контекстом и международной ситуацией. В.Н. Руденко рассказывает о проблемах, стоящих перед буддийским духовенством, в связи с возрождением в КНР института жеребьевки из Золотой урны кандидатов для идентификации и легитимизации *тулку* (в качестве *тулку* признаются намеренные перерождения авторитетных духовных лидеров, достигших просветления). М.М. Содномпилова говорит о современном обустройстве бурятского жилья в соответствии с традициями шаманизма и буддизма, в зависимости от идейных предпочтений той или иной бурятской семьи.

Таким образом, сборник статей конференции, посвященной связям науки и буддизма, является доказательством глубокого интереса научного сообщества к теме соотношения на современном этапе методов постижения мировых законов светской наукой и буддистами. Сближение точек зрения и взаимопроникновение ряда положений науки и буддийского мировосприятия дают надежду на позитивное и результативное взаимодействие светской и буддийской науки в будущем на благо всего человечества.

И.В. Кульганек

Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013 — 144 с.

Вышел в свет 10-й выпуск журнала петербургских монголоведов «Mongolica». Данное периодическое издание, включенное в список рекомендованный ВАКом для защиты кандидатских и докторских диссертаций, является единственным журналом по монголоведению в России подобного плана. Его авторы — преимущественно отечественные монголоеды из Санкт-Петербурга и Москвы. Ряд статей написан учеными из других монголоведческих центров России и зарубежными специа-

листами. Выпуск посвящен 90-летию крупного ученого, литературоведа, доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Людмилы Константиновны Герасимович. О ее многолетней научной и педагогической деятельности, монографиях по истории современной монгольской литературы, творческой работе в Монголии пишут в предисловии И.В. Кульганек и Л.Г. Скородумова. Л.К. Герасимович более десяти лет возглавляла кафедру монгольского языка и литературы Восточного факультета Ленинградского университета, вел ряд спецкурсов по монгольской литературе и фольклору. Она воспитала плеяду монголоведов, которые работают в настоящее время в России, Монголии и на Западе, среди них не один десяток кандидатов и докторов наук. Является автором четырех монографий по истории монгольской литературы и стихосложению.

Выпуск имеет разделы: «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Историография, источниковедение», «Рецензии и научная жизнь» и «Наши переводы». Первый раздел открывает обширная статья профессора Л.Г. Скородумовой «Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре». Анализируя специфику монгольского языка, автор использует лексический материал как источник для реконструкции модели мира в представлении древних монголов. Л.Г. Скородумова рассматривает семантику слова *цагаан* («белый») и его символику в монгольской языковой культуре. В статье прослеживаются этапы построения архетипической модели мира в мифопоэтической семантике традиционной для кочевников Монголии картины мира.

О.А. Сапожникова в статье «Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа» на примере известного психологического рассказа С. Эрдэнэ «Камень в сердце» ищет ключ к пониманию глубинной структуры монгольской словесности. Сэнгийн Эрдэнэ (1929–2000) явился продолжателем традиций, заложенных в XIX–XX вв. такими выдающимися авторами, как В. Инджинаш, Д. Равджа, Д. Нацагдорж. Он — основоположник жанра психологической новеллы в новой и новейшей монгольской литературе. Анализируя один из многочисленных коротких рассказов этого автора, О.А. Сапожникова приходит к выводу, что С. Эрдэнэ — яркий выразитель духовной ментальности своего народа.

Представлениям о нечистой силе в современной монгольской фольклорной традиции посвящена статья А.А. Соловьевой. В ней затрагиваются такие важные вопросы, как соотношение традиции и массовой культуры, трансформация фольклорных сюжетов в современной городской среде, развитие монгольской демонологической традиции в социокультурных условиях начала XXI в. В качестве фактологического материала А.А. Соловьева использует тексты демонической тематики, так называемые *чотгэрийн яриа*. Особенно ценным является то, что многие из анализируемых текстов собраны автором статьи лично в Улан-Баторе в 2009–2010 гг.

Основные принципы транскрипции монгольских слов в китайско-монгольском словаре конца XVI — начала XVII в. «Дада юй Бэйлуинюй» рассматриваются в статье П.О. Рыкина. Автор выделяет и подробно останавливается на трех основных принципах, составляющих основу транскрипций словаря. В статье также подчеркивается влияние на систему транскрипций словаря различных этапов фонетической эволюции китайского языка.

С привлечением материалов своей экспедиции в район озера Хубсугул написана статья И.В. Кульганек «Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх». В этих местах с древнейших времен проживают различные монгольские народности. Даян Дэрх — древнее шаманское божество, обитающее в одноименной пещере, которая находится в 150 км от центра Хубсугульского аймака Монголии г. Мурена. И.В. Кульганек в статье впервые анализирует посвященное этому феномену авторское (Л. Галбаабадраа) литературное произведение и доказывает фольклорное начало этого авторского текста, а также его связь с более поздними культурными и религиозными традициями монголов.

Несомненный интерес как специалистов-историков, так и широкого читателя вызовет статья академика Е.И. Кычанова «Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту „Новых законов Ся“)». В ней автор детально описывает устройство тангутско-татарской границы, организацию пограничной службы во времена правления Чингисхана, а также войны против государств Ся и Цзань. Эта статья явилась одной из последних научных публикаций академика Е.И. Кычанова.

О монгольском переводе сборника «Сто тысяч песнопений Миларепа» рассказывает

в своей статье А.А. Туранская. Двум монгольским рукописям *намтара* (жизнеописание) Гампопы — ученика Миларепы посвящена статья К.В. Алексеева.

О различных событиях в монголоведной научной и культурной жизни рассказывается в статьях Б. Дайриимы, О.Н. Полянской, Т.Г. Басанговой, Л.В. Четырковой. В этом же разделе публикуются рецензии на новые издания.

В разделе переводов представлены рассказы современных монгольских писателей Т. Баянсана, С. Эрдэнэ, П. Лувсанцэрэна, С. Пурэва и Д. Гармы в переводах Л.Г. Скородумовой, О.А. Сапожниковой, К. Ким.

Выпуск снабжен краткой аннотацией на английском языке.

Десятый номер журнала «Mongolica» вносит новый вклад в российское монголоведение, представляя обзор современных историко-филологических исследований монголоязычного ареала.

М.П. Петрова

Michail Rodionov, Hanne Schönig. The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg. vom Orient-Institut Beirut. Bd 130).

Это солидное издание, подготовленное Михаилом Анатольевичем Родионовым и Ханне Шёниг, посвящено рассмотрению вопросов, связанных с семейной жизнью и социальными традициями в период власти султанов двух династий — ал-Касири и ал-Куайти в Хадрамауте. В основе исследования лежат документы из местных архивов, относящиеся к периоду 1904–1951 гг.

Импульсом для совместного написания книги была работа авторов в архивах в городе Сайун (Вади Хадрамаут). Исследователи имели возможность познакомиться с богатейшим собранием документов и сумели выполнить очень большую и плодотворную работу по переводу и анализу значительной части сведений.

Поскольку работа с архивами и общение с местными жителями требовали личного присутствия авторов в Йемене, то впечатляет число полевых сезонов, проведенных в этой стране: М.А. Родионов с 1983 по 2008 г., а Ханне Шёниг с 1996 по 2000 г.

Рассматриваемые в тексте монографии документы, изученные и переведенные на английский язык, обусловили географические границы исследования. Это районы Южной Аравии, известные как Хадрамаут и находившиеся под управлением султанов ал-Касири с XIV в. и их соперников ал-Куайти, которые в XIX в. отвоевали значительную территорию вдоль побережья Индийского океана. Конец власти султанов был положен в 1967 г.

Во Введении оговариваются цели и методы исследования. Выделяются три основных цели: 1) «представить корпус архива ал-Касири в Сайуне; 2) сохранить уходящую из употребления местную лексику, заимствованную из Южной и Юго-Восточной Азии и из других мест, нередко касающуюся повседневной жизни; 3) осветить социальные и культурные условия и социальную жизнь во время правления последних султанов...» (с. 2–3). Основными источниками проведенного авторами исследования являются тексты указов, корреспонденция, соглашения. Наряду с письменными сообщениями авторами активно использовались информанты из числа местных йеменцев среднего и старшего возраста, очевидцы событий и представители семей, родственников указанным в работе правителям и местной творческой и научной интеллигенции.

Материалы книги разделены на две части — «Повседневная жизнь в условиях правления султанов ал-Касири и ал-Куайти» и «Документы». В первой части рассматриваются социальная специфика общества Хадрамаута, культура повседневности, жизненный цикл, включая рождение, брак, похороны, религиозная жизнь, посещения могил праведников и др.

Во второй части помещены факсимиле документов, арабские тексты, соответствующие приведенным документам, перевод на английский язык.

В монографии имеются приложения с хронологией правителей двух вышеуказанных династий, а также подробная библиография. Приводятся индекс названий и документов, иллюстрации и подписи к фотографиям.

Первая часть открывается характеристикой иерархии страт йеменского общества (от «сада» до «абид») (с. 13).

В поле зрения авторов оказываются социальные организации, сложившиеся в городах (кварталы), которые обеспечивали поддержку султанов и, насколько можно судить из текста, хорошо ими контролировались.

Далее освещаются вопросы миграции йеменцев из Хадрамаута. Чрезвычайно интересной в исследовании выглядит характеристика йеменских землячеств, образованных переселенцами с Юга Аравии в азиатских и африканских странах: Индонезии, Сингапуре, Индии (Малабаре), в Восточной Африке — на Занзибаре, в странах бассейна Красного моря — Саудовской Аравии, Судане и Египте. Несмотря на определенное инкорпорирование в жизнь «принимающих» йеменцев обществ (обучение в местных школах, знание языка, вхождение в деловые отношения, даже создание семей), внутри общин не происходил разрыв связей с родиной. Благодаря укрепившимся в Азии и Африке общинам, особенно перед Второй мировой войной, йеменцы самым серьезным образом смогли повлиять на приток финансов извне на территорию Хадрамаута и насыщение местного рынка импортными товарами. Для повышения собственного статуса разбогатевшие представители диаспор скупали на своей «исторической родине» земли и пальмовые деревья. Авторы справедливо отмечают, что местное хадрамаутское общество под воздействием извне оказалось перед необходимостью пересмотра некоторых прежних социальных племенных функций. В стране стали создаваться новые полиция, армия, модернизированные юридическая, финансовая и образовательная системы.

Местные шейхи и правители сумели распространить через «невидимые» узы социальных связей свой контроль и в диаспорах. Говоря о разделении между ролью мужчины и женщины в семье и обществе, авторы отмечают, что мужчина в социальной жизни Хадрамаута занимает господствующее положение. Уделом женщины остаются редкие выходы за пределы дома за покупками, для посещения соседок и родственников.

В параграфе «Обряды жизненного цикла» (с. 21–36) содержится описание, с приведением арабских терминов, важнейших событий жизненного цикла жителей Хадрамаута от рождения до смерти. Он открывается описанием сложившейся традиции перемещения беременной женщины в преддверии родов в родительский дом. При родах помимо матери роженицы присутствует акушерка («хаддама», данный термин имеет соответствующий ряд синонимов, в частности «муваллада», «мунаффаса»). Авторы исследования сообщают также количественные данные относительно

упоминаемых терминов в архивных документах, что позволяет лучше ознакомиться с контекстом и мотивами помещения соответствующей информации в основной корпус книги. Излагаются сведения о наречении ребенка именем («шамма») и традиции отрезания волос с головки младенца, как правило, в течение семи дней после родов. Послеродовой период длится сорок дней для представительниц среднего социального слоя и двадцать для низших сословий. В этот период в родительский дом жены отправляют определенные виды еды, в частности кашу («асида»). По истечении сорока дней перед возвращением в дом мужа на руки и ноги молодой матери наносятся хной рисунки.

Вторым важным событием жизненного цикла йеменцев можно считать обрезание («хитан»), которое производят или в очень раннем возрасте (семь дней), или позже: от семи до одиннадцати лет. Известно, что в Хадрамауте практиковалось и обрезание для девочек, тем не менее документального подтверждения этому нет. По поводу празднования дня обрезания мальчика гости собирались в большие процессии с барабанным боем. В связи с исполнением этой церемонии гостями приносились в дар небольшие денежные суммы.

Брачные церемонии могут продолжаться от нескольких дней до нескольких месяцев. Специфика брачных праздников, как отмечают авторы рассматриваемой работы, зависела от племенных и локальных особенностей. Она получила отражение в архивных документах. В исследовании приводится терминология, которая относится к порядку передачи подарков, совместного испития кофе, передачи выкупа за невесту («мадад», «кахват ал-мадад», «махр»). Рассказывается о попытках местных улемов ограничить и регламентировать постоянно увеличивавшиеся размеры выкупа («махр») в 1940-е и 1950-е годы.

После передачи выкупа семья жениха направляет своего представителя («далил») к шейху («вали»), чтобы оговорить день свадьбы. Далее следует церемония («дахина») в семье жениха, что совпадает с церемонией («кабда») в семье невесты. Это первый вечер свадебных праздников. Ноги жениха покрываются хной под звуки специальных посвященных этому событию песен. В доме невесты собираются только женщины, при этом голова и лицо невесты закрыты. После завершения церемонии специально приглашенная мастерица («муханния») окрашивает девушке

некоторые части тела хной. Для закрепления эффекта окрашивания используется химический препарат («*шабб*»), который в сочетании с хной делает цвет более темным и, вероятно, стойким. После окраски хной волосы девушки моют, пропитывают маслом и укладывают специальным образом профессиональные парикмахеры.

Центральным событием в церемониях, связанных с бракосочетанием, является «*харауа*» — посещение женихом дома невесты, что сопровождается подписанием брачного контракта и вечерним празднованием. В этот день жених одет в лучшие одежды, характерные для его сословия, и тогда же семьи новобрачных принимают наибольшее число гостей.

Брачный контракт («*акд ал-Куран*») готовится примерно за неделю до брачных церемоний. Торжественный переход невесты в дом жениха называется «*заффа*», или «*зафаф*» и сопровождается песнями, танцами, игрой на барабанах. Свообразным завершением праздников этого дня является снятие с головы невесты покрывала.

Утро следующего дня, которое молодая жена впервые встречает в доме мужа, называется «*субха*». Надо отметить, что авторы приводят довольно большое число документов, посвященных этому событию или связанным с ним (с. 31).

На третий день брака («*зилла*») молодой жене позволяет впервые предстать перед обществом. После свадебных торжеств интерес может представлять визит молодой жены в дом своего отца («*хатра*»). Это неспешная процессия, сопровождаемая звуками барабана и трелями флейт.

Параграф «Подарки и денежные подношения» имеет непосредственное отношение к изложенному выше материалу. Перед «*харауа*» родственники и знакомые ходят с деньгами в качестве свадебного подарка («*тарх*») вокруг сидящего жениха, а затем их рассыпают. Деньги помещают в сосуд и передают «*вали*» жениха, в качестве помощи. Подарки делаются также для женщин-музыкантов. Отдельные подарки в виде одежды, украшений, еды приносятся женщинами в дом невесты. До наступления ночи женщина, поверенная в делах от имени семьи жениха, наносит визит в дом невесты, где передает ей определенную денежную сумму («*махайа*»).

Утром после брачного торжества молодая жена получает подарок от мужа («*сабахийа*»),

«*субхийа*»). Подарками могут быть флакон духов («*итр уарди ау анбари*»), сладости.

Последним элементом жизненного цикла, о котором сообщают авторы книги, являются похороны. До тела могут допускаться только родственники и специально обученные люди. Нередко это занятие закрепляется за представителями низших сословий. Авторы приводят документы, в которых сообщается о назначении двух человек для совершения омовений в Сайуне (с. 35). За услуги работника, который вырыл могилу, и тещу Корана полагается денежное вознаграждение.

Перед похоронной процессией в дом покойного могут входить только те женщины, которые принадлежат его семье. В случае смерти ребенка только родственникам позволяется входить в дом на протяжении недели после похорон.

Период траура в Хадрамауте может составлять от нескольких дней до нескольких месяцев, в зависимости от положения семьи покойного в обществе. Во время самих похорон и в течение трех дней после них мужчины и женщины могут собираться для отправления траурных обрядов и прощания. Еда не предлагается, но кофе подается без ограничений.

В Хадрамауте сильны позиции суфизма, и это находит отражение в документах, народном творчестве, в повседневной жизни. Параграф «Религиозная жизнь и ритуалы» освещает некоторые аспекты религиозной жизни жителей Хадрамаута, включая праздники. В рамках духовной исламской жизни выделяются два праздника — Ид ал-адха (10 зул-хиджа), напоминающий об окончании паломничества в Мекку, и второй — Ид ал-фитр — окончание поста в месяц рамадан (1-го месяца шаввал).

В период месяца рамадан, и особенно в ночь ниспослания Корана («*лайлат ал-кадр*»), жители Хадрамаута навещали друг друга. В это время происходило более свободное общение между женщинами и мужчинами, что критиковалось и даже запрещалось султанами. В подтверждение этому приводятся отдельные документы (с. 37).

Как и во многих других странах, важным элементом народного ислама является посещение могил местных праведников. Освещению этого вопроса отведен подпараграф «Паломничества и посещения мест захоронений». Рядом с поселениями Хадрамаута обязательно находятся могилы местных правед-

ников. Они, как отмечают авторы исследования, «возводятся в соответствии с довольно жесткой иерархией культурного статуса и престижа» (с. 38). Территория, где расположены священные захоронения, называется «*хаута*». Человек, пришедший на поклонение местному праведнику, оказавшись на территории «*хаута*», где расположена одна или несколько могил («*кубба*») праведников («*уали*») (мн.ч. «*аулиаа*»), совершает, таким образом, ритуальное посещение («*зийаара*»). Находясь там, он приобретает исходящие от могилы праведника и духовного покровителя («*маула*») благословение и жизненную силу. В XX в. под влиянием ваххабитской идеологии и местных сторонников идей «иршада» жителей Хадрамаута, посещавших могилы, называли термином «кубурийуна», что фактически приравнивало их к идолопоклонникам.

Наибольшей популярностью среди йеменцев из этой части страны пользуется могила пророка Худа. Характерно, что ежегодные посещения его могилы сохранили черты архаики и сопровождаются фольклорными выступлениями, верблужьими скачками. В ряде документов, рассматриваемых в книге, имеются упоминания о совершении паломничеств.

На основе документальных свидетельств можно составить впечатление об истории и других священных территорий, в частности о Машхаде Али, расположенной в северной части Вади Дав'ан. Эта местность связана с Али ибн Хасаном ибн Абдаллахом ал-Аттасом (1710–1758) и представляет собой комплекс строений, в который входят могилы, мечеть, колодцы, водные резервуары, помещения для приема паломников и развалины старого рынка. О создании могил и других сооружений сообщается в документах, имеющих отношение к Али ал-Аттасу. В книге содержатся даже краткие описания коллективных посещений этих местных святынь, одно из которых позволяет сделать вывод об их массовом характере: «Первыми были представители страты „сада“ на тринадцати лошадях с разноцветными флагами, у каждого свой „байрак“. До двух тысяч верблюдов вступали на территорию ал-Машхада одновременно» (с. 40).

Документы, касающиеся посещений, являются разноплановыми: приглашения к совершению посещения, отчеты об их совершении, финансовые тексты, связанные с просьбой о помощи. Во времена правления в Южном Йемене лидеров марксистской ориентации количество паломничеств к этой могиле су-

щественно сократилось. В настоящее время исламские радикалы стараются запретить посещения захоронений праведников, ритуальную охоту на горных козлов, чтение мистической поэзии и рассказов, поскольку с их точки зрения это не имеет отношения к исламу.

В книге рассматривается традиция охоты на горных козлов. Периодом времени для охоты выбирался осенний сезон. Группы охотников возглавляли предводители «*макадима*» (ед.ч. «*мукадам*»). Перед началом охоты им предлагался кофе. Когда предводитель брал поднесенный ему напиток, это означало, что он и его люди готовы к участию в этом мероприятии. Документы из поселения Мадуда, расположенного в Вади Хадрамаут, дают наиболее полное представление о связанных с охотой традициях.

Практика чтения вызывающих дождь молитв, как считается, восходит к самому пророку Мухаммаду («*салат ал-истискаа*»). Данный тип молитв выполняется на открытом воздухе, женщинам не разрешается принимать в них участие. Молитвы, призывающие дождь, также могут совершаться во время паломничества к могиле Худа (с. 48).

В параграфе книги «Повседневные обычаи» можно познакомиться с танцами и песнями (с. 49–52), пищей и напитками (с. 52–53), традициями испития кофе и чая.

В подпараграфе «Танцы и песни» рассматриваются не только различные виды танцев, но и сопровождающие их музыкальные инструменты. Наблюдается большое разнообразие песен, среди которых авторы на основе изученных документов выделяют: «*хайбан*», «*шабвани*», «*зарбади*» и др.

Кофе появился в Хадрамауте в XV в., и вопрос о том, является его употребление запретным или разрешенным, широко дискутировался среди местных теологов. Тем не менее, несмотря на сопротивление отдельных наиболее консервативных улемов, кофе был включен во многие ритуалы хадрамаутского общества, опередив в этом другой популярный напиток — чай. В книге описаны предметы, используемые для приготовления чая, включая прибор для кипячения воды, чашечки и др. (с. 57). Их названия приводятся в латинской транскрипции, и можно сравнить местную чайную терминологию с той, которая используется в других частях арабского мира.

Особое место в документах отводится рассмотрению роли женщины в обществе. Авто-

ры выделяют этот аспект в отдельный параграф, который так и называется «Женщины в документах» (с. 59–76). Освещение получили такие непосредственно связанные с женской стороны жизни, как одежда и ювелирные украшения. Авторы обращают внимание, что старые центры производства одежды для женщин в Хадрамауте уступают место крупным зарубежным предприятиям. Рынок в настоящее время наводнен фабричными изделиями, сделанными в основном в Индонезии. Со ссылкой на документы отмечается неоднозначность введения запрета на тот или иной вид одежды, который мог бы считаться заимствованным из индонезийской традиции ношения одежд. В частности, нельзя надевать одежды из шелковой ткани; особенно строго этот запрет распространялся на девочек (с. 61). Отделка вышивкой считалась нежелательной.

Путешественники, которым удавалось побывать в Хадрамауте, отмечали большое количество украшений, которые носили на себе женщины. Помимо эстетической, разнообразие женские украшения выполняют еще одну важную функцию — социально-информативную. Они подчеркивают статус женщины в обществе, указывают на финансовые возможности семьи. Часть ювелирных изделий являются амулетами, оберегающими от дурного глаза, а также способствующими деторождению. На характер украшений воздействовали многие культуры — эфиопская, индийская, культуры Юго-Восточной Азии. Среди украшений бывают золотые. Бедуины, традиционно привыкшие довольствоваться самым необходимым, умышленно ограничивают себя использованием только серебряных изделий (с. 66). В косметических и ритуальных целях, как и в других арабских странах, используют хна, кардамон.

Авторы книги обращают внимание на материалы, используемые в домах жителей этих районов Южной Аравии для изготовления посуды, отдельных предметов мебели: тамариск, пальмовые листья. В различных бытовых целях широко используется глина. Документы разных эпох, рассматриваемые в данном труде с разной частотностью, упоминают те или иные материалы и предметы быта.

Последний параграф первой части книги назван «Риторика документов». Искреннюю похвалу и благодарность авторов рецензируемой книги заслужил Абд ал-Кадир ас-Саббан, который отдал много сил сбору и систематизации исторических архивных материалов.

Вторая часть монографии представляет собой подборку факсимиле документов, арабских текстов и их качественный перевод на английский язык.

Представленная монография М.А. Родионова и Х. Шёниг является очень полезным комплексным исследованием, позволяющим реставрировать картину материальной и духовной культуры значительной области Южной Аравии — Хадрамаута. Она позволяет продвинуться дальше в понимании и изучении связей Йемена с другими арабскими, азиатскими и африканскими странами, взаимовлияния арабской и других восточных культур, глубже узнать роль йеменских общин, проживающих в других регионах, в социально-экономической жизни принявших их обществ.

Авторы вводят в научный оборот большое количество архивных документов, касающихся различных сторон жизни йеменского общества.

Подготовка и издание такого труда безусловный успех. Книга представляет значительный интерес для широкого круга исследователей — арабистов, социологов и культурологов.

И.В. Герасимов, О.Б. Фролова

А.И. Колесников. Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с.

На карте мира найдется не слишком много государств, которые бы характеризовались языковой и этнической преемственностью с древнейших времен по настоящее время. К таким странам, бесспорно, относится Иран, или Персия. За более чем две с половиной тысячи лет своего существования Иран прошел долгий путь исторического и культурного развития от цивилизации к цивилизации, от империи к империи. Несмотря на смену религий, что само по себе означает решительный перелом всего жизненного уклада и изменение культурного вектора страны, Иран, всякий раз эволюционируя и возрождаясь в новых условиях и в новой форме, неизменно сохранял свою идентичность, оставаясь Ираном. При этом, в какой бы форме Иран ни возрождал свою государственность, он оказывал глубокое воздействие на соседние страны и регионы. По этой причине «исторический Иран» намного шире Ирана в географическом и тем более в современном политическом смысле. Этот термин применим не только к

территориям собственно Ирана и Афганистана, но и ко всему обширному региону, простирающемуся от Южного Кавказа до Центральной Азии и Северной Индии. Хотя каждая эпоха в истории данной страны и характеризуется своими специфическими особенностями, главный цивилизационный водораздел, «рассекающий» историю Персии на два принципиально отличных отрезка, проходит все-таки по линии доисламский — исламский Иран, и связан он с переходом Персии от зороастризма к исламу в качестве господствующей религии. Изучение доисламского Ирана представляет определенную сложность по сравнению с мусульманской Персией. Это связано с целым рядом факторов, из которых назовем лишь необходимость использования чрезвычайно широкого круга ранних источников, представленных на многочисленных восточных языках, что само по себе требует весьма высокой профессиональной эрудиции исследователя, включая владение языками источников.

Книга А.И. Колесникова целиком посвящена именно доисламскому Ирану — тематике, к которой, в том числе по указанной выше причине, не очень часто обращаются авторы в России, на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье. Она представляет собой авторскую переработку избранных публикаций А.И. Колесникова. Подобный свод работ одного автора, опирающийся на определенную традицию в востоковедении (ср., например, монографию О.Ф. Акимушкина и др.), несомненно, представляет собой ценный вид научного труда, так как в нем бывают собраны воедино обновленные и дополненные новыми источниками и данными работы, объединенные единой тематической канвой и характеризующиеся последовательным развитием конкретного направления исследования. По сути, такая монография являет собой плод многолетних изысканий углубленного в тему специалиста и в этом смысле бывает воплощенным в едином масштабном труде научным наследием данного автора, крайне ценным как для специализирующихся в этой области современников, так и будущих поколений исследователей.

Книга А.И. Колесникова полностью соответствует такому определению. Она вобрала в себя избранные публикации автора за период с 60-х годов XX в. до начала XXI в. (а всего у него более 160 работ), которые получили высокую оценку специалистов и не утратили

своего научного значения и поныне. Последние включают и две серьезно переработанные и дополненные новыми разнообразными источниками монографии: «Иран в начале VII века» (Л., 1970; перс. пер. Тегеран, 1977) и «Завоевание Ирана арабами» (М., 1982).

Исследование А.И. Колесникова представляет собой весомый источниковедческий исторический труд. Автор вырисовывает картину сасанидского Ирана (династия Сасанидов правила Персией четыре столетия — 224–651 гг.), делая особый упор на период последних правителей этой династии. Он пришелся на время, когда достигшая в VI в. огромной мощи и силы держава стала обнаруживать признаки политической слабости, которая выразилась в династических переворотах и смене правителей. Автор привлек весьма широкий круг разнообразных источников на языках среднеперсидском, греческом, армянском, сирийском, новоперсидском и арабском. Изложение истории предваряется подробным разбором этих источников. Письменные источники дополняются теми, которые специалисты относят к разряду вспомогательных и нетрадиционных и информация которых менее подвержена тенденциозности, чем сочинения официальной историографии. Это печати и буллы должностных лиц государства, серебряные и медные монеты, юридические и хозяйственные документы. Их главное достоинство в том, что они синхронны описываемой эпохе и содержат ценную, не «отредактированную» современниками информацию о стране и ее обитателях, которой историк должен непременно воспользоваться для создания большей полноты картины жизни общества, отделенного от нашего времени четырнадцатью столетиями. Большой объем разноязычных источников позволил автору сделать многочисленные сопоставления, сравнить фактический материал и точки зрения историографов. Все это дало возможность провести глубокий анализ состояния внутренней и внешней политики государства Сасанидов в конце VI — начале VII в. и проследить на основе имеющегося в распоряжении материала изменения в социальном положении мелких собственников и крестьянства.

Однако не только чистой истории посвящена книга А.И. Колесникова. В ней дается обзор и делается подробный анализ административно-государственного деления и устройства сасанидского Ирана, на основе исследования различных нарративных, эпиграфиче-

ских и нумизматических памятников определяются государственные границы и очерчивается административное деление империи Сасанидов с указанием исторических областей, входивших в провинции Ирана, и их границ на рубеже VI–VII веков. В этом несомненное отдельное достоинство настоящей книги.

Для новой книги автор помимо двух своих монографий предложил более десятка статей по ключевым вопросам истории и культуры сасанидского периода: административному устройству державы Сасанидов, проблеме рабства в стране, отношениям центральной администрации с конфессиональными меньшинствами, роли христианства в политической и духовной жизни общества, последствиям арабских завоеваний для древних цивилизаций Ирана и стран Центральной Азии, и др.

Изложение исторической части начинается с правления Хормузда IV (579–590 гг.), охватывает эпоху Хосрова II Парвиза (590–628 гг.) и далее период междоусобиц (628–632 гг.) при Каваде II Шируйе, его сыне Ардашире и при последующих правителях и достигает времени завоевания Ирана арабами с изложением событий военно-политической истории, связанных с этим цивилизационным переворотом в истории Ирана. При этом немалое место в книге уделено Бахраму Чубину — исторической и легендарной личности в истории Ирана, ставшей также мессианской фигурой под именем Шах-Бахрам в религиозной литературе, вторичного прихода которого

впоследствии на протяжении столетий ожидали зороастрийцы.

Завоеванию Ирана арабами в книге уделено особое внимание. Исследованию этой темы, посвященной событиям, ознаменовавшим столь решительный перелом в конфессиональном и культурном развитии страны, автор посвятил многие годы своей жизни, результатом чего явились главы книги, в которых рассматриваются факторы, приведшие к ослаблению державы Сасанидов и в итоге к ее падению под натиском арабских завоеваний. Отметим как представляющие отдельный интерес содержащиеся в этом разделе две редакции письма пророка Мухаммада сасанидскому шаху Хосрову II Парвизу.

Монография А.И. Колесникова содержит приложение — русский перевод арабского текста из «Книги длинных известий» Абу Ханифы ад-Динавари: «Завоевание Ирана арабами» (Иран при «праведных» халифах).

Сказанного достаточно для того, чтобы охарактеризовать настоящую книгу как высококачественное научное исследование, содержащее ценнейший материал. Оно, безусловно, займет свою уникальную нишу в отечественной и мировой науке и станет важным источником и пособием для многих поколений историков, востоковедов, религиоведов, культурологов и прочих специалистов.

Ю.А. Иоаннесян

**Александр Степанович Мартынов
(1933–2013)**

15 декабря 2013 г. после продолжительной болезни скончался Александр Степанович Мартынов — выдающийся отечественный китаевед, один из создателей отечественной школы изучения традиционной идеологии стран Дальнего Востока, талантливый и необычайно яркий человек.

Он родился 2 октября 1933 г. в Ленинграде в семье служащих, военные годы провел в деревне Пески Осташковского района Калининской (Тверской) области, на малой родине своих родителей. В 1952 г., окончив среднюю школу, поступил на отделение китайской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета и с отличием окончил его в 1957 г. с дипломной работой по теме «Понятие *вэнь* в старом китайском литературоведении». В том же году А.С. Мартынов выдержал экзамены и был принят в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Специальность, которую А.С. Мартынову предстояло освоить в аспирантуре, — тибетская филология. Проявив уже в студенческие годы исследовательский интерес к классической филологии и духовной культуре Китая, он увлекся и проблемой взаимоотношений имперского центра и некитайской периферии в древности и средние века. Под руководством В.С. Воробьева-Десятовского он изучал в Университете тибетский язык.

Ориентированность Мартынова на тибетологию была связана с необходимостью укрепить это традиционное для петербургско-ленинградской школы классического востоковедения направление в Ленинградском отделении Института народов Азии (как в 1960–1968 гг. назывался ЛО ИВ АН) молодыми кадрами. В сентябре 1956 г. сотрудники ЛО ИНА старшего поколения К.М. Черемисов и Б.И. Панкратов по заданию администрации Отделения составили докладную записку о перспективах возрождения тибетологии в стенах Института. В ней были перечислены тибетские памят-

ники из собрания ЛО ИНА и работы тибетологов предшествующих поколений, нуждающиеся в издании, а также был поднят вопрос о возобновлении каталогизации тибетского фонда ЛО ИНА¹.

Тема кандидатской диссертации А.С. Мартынова — историческая, первоначально она была сформулирована как «Тибетско-непальский конфликт и война Китая с Непалом 1791–1792 гг.». В отзыве Б.И. Панкратова, научного руководителя А.С., от 15 апреля 1960 г. было указано, что «А.С. Мартынов специализируется в области тибетской филологии и истории»². Кандидатская диссертация А.С. Мартынова была обсуждена на заседании Дальневосточного кабинета ЛО ИНА и признана завершённой 21 ноября 1960 г., а спустя месяц, 22 декабря 1960 г., он был зачислен в Институт на должность младшего научного сотрудника.

Первые опубликованные статьи А.С. Мартынова были посвящены отдельным конкретным вопросам истории китайско-тибетских взаимоотношений в период, непосредственно предшествовавший завоеванию Тибета династией Цин. При этом с самого начала молодой исследователь ставил и пытался найти ответы на основополагающие вопросы о природе и сущности императорской власти в Китае.

В период, когда Александр Степанович начинал свой путь в науке, руководство Академии наук поставило перед ЛО ИВ задачу ввести в науку большое количество рукописных памятников из собрания Института, а также продолжить исследования «в области истории докапиталистических формаций на Востоке»³. Был составлен план описания коллекций, созданы группы по каталогизации фондов, в том числе и так называемая Дуньхуанская, работавшая в Институте под руководством Л.Н. Меньшикова с 1957 г.

В 1962 г. Мартынов был включен в состав группы по обработке дуньхуанского фонда и стал одним из авторов «Описания...»⁴. Как позже признавался сам Александр Степанович, данная работа не вполне соответствовала его характеру и темпераменту, но первые серьезные сведения по китайскому буддизму, простонародному и элитарному, он приобрел именно тогда. В 1966–1967 гг. А.С. Мартынов принимал участие в инвентаризации тибетской части рукописного фонда из Хара-Хото (Внутренняя Монголия, КНР), составлял инвентарь тибетского фонда, список китайских и маньчжурских картографических материалов ЛО ИНА.

Следует отметить, что А.С. в силу своей обязательности не отказывался от не всегда радовавшей его общественной работы: с октября 1962 по март 1965 г. он выполнял обязанности ученого секретаря Дальневосточного кабинета; многие годы принимал участие в работе городского лектория; с 1969 по середину 1980-х годов был народным заседателем суда Дзержинского района г. Ленинграда.

Притом что А.С. Мартынов не торопился с защитой диссертации и с формальным получением степени кандидата наук, он с первых своих лет в науке был очень активен как исследователь, выделяясь этим даже на фоне своих коллег по Институту, среди которых было немало замечательных ученых. Он постоянно апробировал результаты своих размышлений на заседаниях Годичных сессий ЛО ИВ АН, публиковал очень ёмкие статьи в сборниках «Письменные памятники и проблемы истории

¹ Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 175.

² Личное дело А.С. Мартынова в Архиве востоковедов ИВР РАН. Л. 26.

³ Бертельс Д.Е. Введение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 70.

⁴ Воробьева-Десятовская М.И., Зограф И.Т., Мартынов А.С., Меньшиков Л.Н., Смирнов Б.Л. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 2 / Под ред. Л.Н. Меньшикова. М.: Наука, ГРВЛ, 1967.

культуры народов Востока»; в 1970 г. принял участие в научной конференции «Общество и государство в Китае», впервые организованной Институтом востоковедения в Москве, и затем был ее постоянным участником вплоть до 1993 г.

Отталкиваясь от исследования взаимоотношений Китая с внешним миром, А.С. Мартынов выделил основные категории и принципы, на которых строилась идеология этих взаимоотношений. Дальнейший анализ позволил ему разработать оригинальную методологию изучения структуры китайской императорской власти как универсальной, мироустроительной, распространявшейся не только на общество, но и на космос в целом. Принципиально новым в этом подходе было то, что государство как бюрократическая система не рассматривалось им в качестве основного элемента в структуре представлений о власти. Главным элементом в имперской идеологии А.С. считал не совпадавший с конфуцианским мировоззрением комплекс идей, связанных с ритуалом монархии. В своих ранних теоретических работах А.С. Мартынов стремился показать, что такой стереотип мог действовать в традиционных обществах Дальнего Востока как вполне реальная программа политического действия.

Все свои теоретические построения А.С. Мартынов основывал на глубоком анализе письменных памятников. За скрупулезным выявлением и определением точного значения основных терминов в китайских политических текстах стояло стремление адекватно интерпретировать с помощью категорий современной мировой науки содержание политической доктрины императорского Китая. Первые итоги своей работы по реконструкции понятийного аппарата официальной идеологии традиционного Китая Мартынов обобщил в начале 1970-х годов в двух пространственных статьях⁵, одна из которых — «Сила дэ монарха» в переработанном виде вошла в главу «Основные группы терминов традиционной китайской политической теории» его монографии⁶. Основу монографии составил текст диссертации А.С. Мартынова «Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной системе китайских политических представлений», защищенной на Восточном факультете ЛГУ 18 декабря 1975 г. Монография, на конкретном материале китайско-тибетских взаимоотношений показавшая практическую применимость традиционной китайской политической идеологии, подвела итог первого этапа научной деятельности ученого.

В 1982 г. увидел свет сборник «Буддизм, государство и общество», первый опыт редакторской работы А.С. Мартынова. Книга начиналась его предисловием, обобщавшим выводы авторов сборника о многообразии взаимоотношений пришедшего на Дальний Восток извне буддизма и местной традиции. Развивая идею о сакральном характере власти, Мартынов отмечал, что ни в одном из государств Восточной Азии буддизм не стал основной религией, поскольку власть здесь лишь использовала все бытовавшие религиозные верования для поддержания общественного порядка и не допускала преобладания ни одного из них над государством. В том же сборнике была помещена статья А.С. Мартынова⁷, посвященная проблеме, которая все более занимала его с конца 1970-х годов, а именно: соотношению официальной китайской идеологии с духовным миром конфуцианской личности. На примере воззрений ряда ярких мыслителей традиционного Китая, в первую очередь Чжу Си и Су Дун-по, А.С. Мартынов исследовал в своих работах особенности конфуцианской мысли, развив-

⁵ Мартынов А.С. О двух рядах терминов в китайских политических текстах // ППВ. Ежегодник 1969. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 343–352; *он же*. Сила дэ монарха // ППВ. Ежегодник 1971. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 341–387.

⁶ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.

⁷ Мартынов А.С. Буддизм и конфуцианство (Су Дун-по и Чжу Си) // Буддизм, государство и общество. М., 1982.

шиеся под влиянием идей буддизма и даосизма, показал самодостаточность (персонализм) и в то же время жесткую социальную ориентированность конфуцианской личности.

Тонкое понимание внутреннего мира средневекового китайского интеллектуала стало возможным прежде всего благодаря умению А.С. Мартынова работать с текстами самого разного содержания и различных жанров — философскими, политическими, литературными сочинениями, эпиграфическими и эпистолярными источниками. Разгадать значение и ценность личности в системе дальневосточной цивилизации ему позволили яркий талант филолога и всестороннее знание не только китайской, но и европейской культуры, ориентированной на признание бесконечной ценности личности. Китайская культура всегда рассматривалась А.С. Мартыновым как часть общемировой. Александр Степанович хорошо знал и прекрасно разбирался и в русской, и в европейской (классической и современной) литературе. Он ориентировался в новейших достижениях филологической мысли XX в., не замыкаясь при этом на востоковедении: в своих статьях и всегда очень ярких устных выступлениях Александр Степанович демонстрировал не поверхностное знакомство с идеями М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Я. Гинзбург и др.

Мартынову удалось глубоко исследовать, в частности, проблему эстетизма средневекового китайского конфуцианца, который самой системой экзаменов вынужден быть и литератором. Вместе с тем внутренняя духовная жизнь носителя официальной китайской культуры рассматривалась как неразрывно связанная с государственной службой. В дальнейшем, отталкиваясь от данного положения, Мартынов вышел на ряд серьезных обобщений, касавшихся содержания и структуры китайской духовной культуры в целом. Он сумел сформулировать важнейшие ее постулаты, влиявшие на художественное слово, живопись, музыку и др. Александр Степанович обратил внимание на существование «несомненного изоморфизма в традиционной китайской культуре», в самых разных ее сферах, включая политические доктрины, философские концепции и изящную словесность⁸. Традиционная китайская идеология, которая по большому счету никогда ничего не отвергала на протяжении всей своей истории, покоилась на комплексе категорий, зародившихся в глубокой древности. Исследованные в работах А.С. Мартынова контентно ёмкие и многозначные категории благопристойности (*ли*), гуманности (*жэнь*), добродетели (*дэ*), верности (*чжун*), искренности (*чэн*), истинности (*синь*) и др. прошли через всю историю традиционной китайской идеологии, обеспечивая ей преемственность и жизнеспособность и в то же время претерпевая многие интерпретации, по-разному акцентировавшие, расширявшие и углублявшие их содержание.

В конце 1980-х — 1990-е годы Мартынов публикует ряд обширных статей, в которых находят развитие заложенные в его предшествующих работах важнейшие идеи, связанные с характером полифункциональности и эстетизма китайского ритуала в сфере внешнеполитических сношений, соотношением нормативности и новаций в имперской идеологии Китая, связи конфуцианской традиции с государственной организацией, с общей оценкой этической роли конфуцианства в культуре императорского Китая и др. Важной темой в научном творчестве А.С. Мартынова остаются взаимоотношения буддизма и государства. Высокая исследовательская культура А.С. Мартынова нашла проявление во внимательном его отношении к работам своих коллег-китаеведов: им было опубликовано более десятка рецензий на научные труды самого разного содержания.

⁸ А.С. Мартынов. Несколько замечаний о комплексе «Небо — Земля» в китайских художественных, политических и философских текстах // Литературы стран Дальнего Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С. 28.

Изученные на материале китайских источников системы ценностей, ритуалов, идей, моделей и категорий со временем воплотились в собственное целостное представление о духовной культуре Китая. В предисловиях и комментариях, сопровождающих опубликованные им в начале 2000-х годов переводы китайской классики, А.С. Мартынов анализирует комплекс идей раннего конфуцианства, а также дает комплексную характеристику философской системы неоконфуцианства. Он убедительно показывает, что с началом неоконфуцианского этапа в китайской идеологии «центр философского размышления бесповоротно перемещается из временного измерения в пространственное: конфуцианец размышляет преимущественно не об опыте предшествующих эпох, а о характере своего собственного сознания»⁹.

В тематику исследований А.С. Мартынова входила и история формирования китайской границы. С 1 декабря 1986 г. Александр Степанович трудился в должности ведущего научного сотрудника ЛО ИВ АН и главы входящей в Сектор источниковедения и историографии Китая и Центральной Азии Танской группы, задачей которой был перевод географических разделов «Новой истории династии Тан» («Синь Тан шу»). С 27 января 1992 г. он — заведующий Сектором ИИКиЦА. После того как этот Сектор в декабре 2003 г. вошел в состав Сектора Дальнего Востока СПбФ ИВ РАН, Мартынов стал заведовать Сектором ДВ. С 1 сентября 2007 г. по личной просьбе он оставил эту должность и работал в Институте уже как старший и ведущий научный сотрудник.

С 1990 г. А.С. Мартынов преподавал в вузах Санкт-Петербурга: в Восточном институте он вел спецкурсы «Три учения (*сань цзяо*)» и «Традиционный китайский эстетизм», позже в СПбГУ читал курсы «Введение в синологию», «Семиотика и культура» и др.

В Китае Александру Степановичу довелось побывать лишь дважды: в 1989–1990 гг. в течение года и затем в сентябре 2003 г. в течение одной недели.

Благодаря незаурядному таланту ученого, широкой эрудиции, уникальным познаниям, глубокому и яркому исследовательскому уму А.С. Мартынов создал целый ряд работ, которые вошли в золотой фонд отечественного китаеведения и нашли широкое признание не только среди востоковедов, но и исследователей самого широкого гуманитарного профиля.

И.Ф. Попова

АВТОРЫ ППВ-19

- Базиленко Игорь Вадимович** — д.и.н., в.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Восточного факультета СПбГУ
- Богданов Кирилл Михайлович** — н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН
- Бурмистров Сергей Леонидович** — д.филол.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Валравенс Хартмут** — бывший заведующий отделом Штатсбиблиотеки Берлина, приватдоцент Свободного университета, Берлин
- Воднева Оксана Анатольевна** — к.и.н., ученый секретарь ИВР РАН
- Герасимов Игорь Вячеславович** — д.ф.н., доцент кафедры истории Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ
- Гуревич Изабелла Самойловна** — к.ф.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Ермакова Татьяна Викторовна** — с.н.с., к.филол.н. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Зорин Александр Валерьевич** — к.ф.н., с.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН
- Иоаннесян Юлий Аркадьевич** — к.ф.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Ким Роман Владимирович** — соискатель Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Колесников Али Иванович** — д.и.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Кравцова Марина Евгеньевна** — д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии Востока СПбГУ
- Куделин Александр Борисович** — академик РАН, директор ИМЛИ РАН
- Кульганек Ирина Владимировна** — д.ф.н., зав. сектором Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Маранджян Каринэ Генриховна** — к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН
- Медведская Инна Николаевна** — д.и.н., в.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Муминов Аширбек Курбанович** — д.и.н. профессор, зав кафедрой религиоведения Евразийского Национального университета
- Мыльникова Юлия Сергеевна** — к.и.н., ассистент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, заместитель директора института Конфуция при СПбГУ
- Невелева Светлана Леонидовна** — д.ф.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Норик Борис Вячеславович** — к.и.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Носов Дмитрий Алексеевич** — к.ф.н., м.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Нофал Фарис Османович** — бакалавр арабского языка
- Островская Елена Петровна** — д.филол.н., зав. сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН
- Пан Татьяна Александровна** — к.и.н., зав. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН
- Пелевин Михаил Сергеевич** — д.ф.н., проф., зав. кафедрой иранской филологии Восточного факультета СПбГУ
- Петрова Мария Павловна** — доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ
- Попова Ирина Федоровна** — д.и.н., директор ИВР РАН
- Пэн Сян-цянь** — д.и.н., главный научный сотрудник Института тангутоведения при университете Нинся (КНР)
- Редина Марина Андреевна** — ст. лаборант Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Сизова Алла Алексеевна** — ст. лаборант Отдела рукописей и документов ИВР РАН
- Фролова Ольга Борисовна** — д.ф.н., почетный профессор Восточного факультета СПбГУ
- Хосроев Александр Леонович** — д.и.н., гл.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Чжан Хуэймин** — исследователь Центра изучения цивилизаций Восточной Азии, г. Париж (Франция)
- Юнусов Марат Мингалиевич** — к.и.н., м.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН
- Юсупова Зара Алиевна** — д.ф.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН
- Якерсон Семен Мордухович** — д.и.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

**К сведению читателей журнала
«Письменные памятники Востока»**

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

Организации и учреждения РАН, а также их сотрудники могут приобрести очередные номера журнала в Издательской фирме «Восточная литература», указав в заявках свои реквизиты.

Просим направлять свои заказы и письма по адресу:

119049, Москва, Мароновский пер., д. 26, тел.: (499) 238 24 98, (499) 230 74 47

e-mail: vostlit@gmail.com

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 119049, Москва, Мароновский пер., 26 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 26.12.2013. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 26,4

Усл. кр.-отт. 27,8. Уч.-изд. л. 25,2. Тираж 500 экз. Изд. № 8560. Зак. №

Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6